

Латинскій церковный языкъ.

Всѣ толкователи посланія Ап. Павла къ Римлянамъ обращаютъ вниманіе на тотъ—на первый взглядъ весьма странный—фактъ, что св. Апостолъ писалъ къ *римской* христіанской общинѣ на *греческомъ* языкѣ. Между тѣмъ, если приглядѣться къ составу тогдашняго христіанскаго населенія въ Римѣ, то греческій языкъ посланія станетъ вполне понятнымъ. Подчинившись культурному вліянію Эллады, Римъ, естественно, долженъ былъ хорошо познакомиться съ ея языкомъ; мало того,—этотъ языкъ культурныхъ побѣдителей сталъ въ высшихъ кругахъ древнеримскаго общества такимъ же моднымъ и распространеннымъ, какимъ въ прежнее время у насъ въ Россіи былъ языкъ французскій. Уже историкъ Тацитъ жаловался на то, что римскихъ дѣтей съ рожденія поручали какой-нибудь греческой служанкѣ, а сатирикъ Ювеналь прямо называлъ Римъ греческимъ городомъ. Если греческій языкъ былъ такъ распространенъ среди высшихъ классовъ населенія, то еще болѣе,—какъ языкъ международный,—долженъ онъ былъ преобладать въ христіанской общинѣ, составленной первоначально главнымъ образомъ изъ лицъ неримскаго происхожденія, не знатныхъ и даже рабовъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого являются надгробныя надписи въ римскихъ катакомбахъ: судя по извѣстному труду итальянскаго археолога де Росси *Roma Sotterranea* („Подземный Римъ“), греческихъ эпитафій—примѣрно—вдвое больше, чѣмъ латинскихъ; преобладаніе греческаго языка въ эпитафіяхъ до такой степени замѣтно, что нѣкоторыя надгробія писаны по-латыни, но греческими буквами. Затѣмъ во главѣ римской церкви въ первые два столѣтія нашей

эры стояли почти исключительно лица греческаго происхожденія (на 10-ть греческихъ, латинскихъ именъ приходится только три, и то первый латинскій епископъ Климентъ относится только къ концу перваго вѣка по р. Хр.). Но надгробія на могилахъ папъ всѣ греческія даже и въ третьемъ вѣкѣ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что и первоначальная христіанская литература, обращенная къ римской церкви или исходящая изъ ея среды, была греческой: кромѣ посланія Ап. Павла, сюда относится назначенное ближайшимъ образомъ для Римлянъ Евангеліе отъ Марка; по-гречески-же писалъ къ Римлянамъ и св. Поликарпъ. По авторитетному мнѣнію лучшаго знатока литературы катакомбъ, де Росси, греческій языкъ былъ церковнымъ языкомъ въ Римѣ вплоть до конца III-го или начала IV-го вѣка по р. Хр. Въ связи съ этимъ должно быть поставлено мнѣніе другого извѣстнаго ученаго, норвежскаго профессора Каспари, который въ своей книгѣ *Quellen zur Geschichte des Taufsymbols* указалъ, что долгое время (вплоть до IV-го вѣка) при таинствѣ крещенія исповѣданіе вѣры читалось въ римской церкви по-гречески.

Что касается собственно латинской христіанской литературы, то,—по свидѣтельству блаж. Иеронима,—до Тертуллиана было всего два латинскихъ христіанскихъ писателя. Но христіанскую латынь надо начинать, конечно, не съ нихъ, а съ разсмотрѣнія переводовъ слова Божія, которое съ древнѣйшихъ временъ проповѣдовалось на латинскомъ языкѣ не только во многихъ частяхъ Италіи, но также въ Галліи, Испаніи и Африкѣ. Переводы эти возникали, вѣроятно, такъ, какъ рассказываетъ блаж. Августинъ (въ сочиненіи *De doctr. Christ.* II, 11): „въ первыя времена вѣры, какъ только попадалъ кому-нибудь въ руки греческій кодексъ, такой человекъ дерзалъ переводить, если ему казалось, что у него есть нѣкоторая способность къ тому и другому языку“. Такъ велики были тогда любовь къ слову Божію и стремленіе запечатлѣть въ сердцахъ евангельскія истины путемъ передачи ихъ звуками роднаго языка! Когда именно впервые появились эти переводы,—неизвѣстно. Древнѣйшее свидѣтельство о нихъ имѣемъ мы въ актахъ Сцилитанскихъ мучениковъ, откуда явствуетъ, что въ 180 г. нашей эры въ

Аффрикѣ существовалъ латинскій переводъ Евангелія и посланій Ап. Павла (См. въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1903 г., трактатъ проф. *В. В. Болотова*, Къ вопросу объ Acta Martyrum Scilitanorum, гдѣ обсуждаются слѣдующіе пункты: состояніе вопроса; первоисточникъ актовъ; Scili или Scilli?—Значеніе этого имени; языкъ актовъ; на какомъ языкѣ совершалось богослуженіе въ Карфагенѣ? *cruх interpretum*). Уже въ началѣ III вѣка Тертуллианъ упоминаетъ (*Adv. Marcion*, II, 9) о „*нѣкоторыхъ*, переводящихъ съ греческаго“, а въ слѣдующемъ столѣтіи блаж. Августинъ говоритъ о „безпредѣльномъ разнообразіи латинскихъ переводчиковъ“ (*De doctr. Christ* II, 11); при чемъ это обиліе переводчиковъ заставляеть учителя Церкви воскликнуть въ томъ же сочиненіи нѣсколько гиперболически: „тѣхъ, которые переводили съ еврейскаго на греческій, можно сосчитать, а латинскихъ переводчиковъ нельзя никоимъ образомъ“. Всѣ эти переводы часто,—особенно въ прежнее время,—объединялись подъ общимъ именемъ Итали (*Italia*). Терминъ этотъ взятъ изъ одного мѣста уже неоднократно цитованнаго трактата блаж. Августина *De doctr. Christ.* (II, 15), гдѣ читаемъ: „изъ этихъ переводовъ долженъ быть предпочтенъ другимъ Италійскій (*Italia*), ибо съ очевидностью смысла соединяетъ онъ и болѣе дословную передачу“. Между тѣмъ подъ названіемъ Италійскаго перевода, или Итали, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, разумѣть только переводъ св. Писанія, бывшій въ употребленіи въ сѣверной Италиі (главнымъ образомъ въ Веронѣ, Аквилеѣ, Брешиі, Равеннѣ и Миланѣ) ¹⁾. Единообразіе же древнѣйшихъ переводовъ слова Божія, приводившее многихъ ученыхъ прежняго времени къ мысли объ ихъ общемъ оригиналѣ, можетъ быть легче всего объяснено стремленіемъ переводчиковъ передать текстъ возможно буквально, что и донныи соблюдается при переводѣ Свящ. Писанія. Источниками для ознакомленія съ первоначальными переводами Библии,—помимо цитатъ у древнѣйшихъ отцовъ Церкви, которыя въ общемъ такъ многочисленны, что вызываютъ

¹⁾ Нужно однако замѣтить, что чтеніе *Italia* у блаж. Августина далеко не безспорно, и нѣкоторые ученые относятъ его даже къ разновидности Вульгаты.

появленіе изслѣдованій вродѣ книги *Ремша* (Roensch): „Новый Заветъ Тертуллиана“,—служатъ также многочисленныя кодексы, разсѣянные въ разныхъ библіотекахъ Европы и доселѣ еще не приведенныя въ извѣстность въ полномъ объемѣ. Между прочимъ, въ Имп. Спб. Публичной Библіотекѣ имѣются подобныя цѣнныя рукописи Евангелія отъ Марка, соборнаго посланія Ап. Іакова и посланій Ап. Павла. Тексты эти опубликованы датскимъ ученымъ Бельсхеймомъ (въ 1881—1883—1885 г.г.). Наконецъ, нѣкоторыя книги вошли цѣликомъ въ такъ наз. Вульгату, о чемъ см. ниже.

Первоначальные переводы Библии, одинаково, весьма важны какъ для богослова, такъ и для филолога. Первый имѣть въ нихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ надежное средство для возстановленія въ древнѣйшемъ видѣ греческаго текста Александрійцевъ, рукописи котораго, по большей части, не восходятъ ранѣ IV-го или V-го вѣка, тогда какъ латинскія цитаты Библии, встрѣчающіяся у церковныхъ писателей III-го вѣка, даютъ, хотя и въ переводѣ, но во всякомъ случаѣ болѣе древній текстъ, чѣмъ въ сохранившихся рукописяхъ труда семидесяти толковниковъ. Затѣмъ, переводы эти важны и для церковной исторіи, потому что при своей классификаціи помогаютъ иногда установить взаимоотношеніе между отдѣльными церквами. Для филолога переводы представляютъ большое значеніе со стороны языка. Такъ какъ въ данномъ случаѣ насъ можетъ интересовать только эта послѣдняя сторона, то остановимся на ней нѣсколько подробнѣе. Слово Божіе впервые переведено было по-латыни не тѣмъ изящнымъ литературнымъ языкомъ, на которомъ говорили образованные и ученые люди тогдашняго латинскаго міра, а наоборотъ языкомъ простымъ, такъ наз. вульгарнымъ, обыденнымъ и деревенскимъ (*lingua vulgaris, cotidiana, rustica*). Языкъ этотъ встрѣчается въ литературѣ очень рѣдко и при томъ только въ такихъ памятникахъ ея, которые по своему содержанію могли быть написаны обычною разговорною рѣчью; таковы, прежде всего, комедіи Плавта (254—184 до р. Хр.) и сатирическій романъ Петронія (I в. до р. Хр.), а затѣмъ сочиненія по сельскому хозяйству и письма. Даже языкъ Цицерона въ его письмахъ сильно разнится отъ прочихъ его сочиненій. Этотъ

вульгарный языкъ не былъ распространенъ въ Римѣ, который щеголялъ особенно изящною латинскою рѣчью, называемой по имени столицы (*urbs*) *sermo urbanus*. Но онъ особенно процвѣталъ въ менѣе культурныхъ провинціяхъ, гдѣ на немъ говорили низшіе чиновники, солдаты и купцы, являвшіеся главными дѣятелями романизации. Такимъ образомъ древнѣйшіе переводы, или такъ наз. *Itala*, существеннымъ образомъ расширяютъ наши свѣдѣнія о простонародномъ латинскомъ языкѣ. Но, помимо того, съ филологической точки зрѣнія языкъ Италы (—удерживаемъ этотъ терминъ не въ виду его вѣрности, а удобства обозначенія—) важенъ и въ другихъ отношеніяхъ, а именно: здѣсь можно встрѣтить 1) значительное количество неологизмовъ и образованіе новыхъ формъ словъ и конструкцій, 2) расширение, по аналогіи, значенія уже существовавшихъ въ языкѣ выраженій, 3) сохраненіе многихъ реченій, которыя уже прекратили свое существованіе въ литературномъ языкѣ. Наконецъ, если принять во вниманіе тотъ общезвѣстный фактъ, что изъ латинской простонародной рѣчи возникли такъ наз. языки романскіе, т. е. итальянскій, испанскій, португальскій, провансальскій, французскій и румынскій, то языкъ Италы весьма важенъ и въ томъ отношеніи, что помогаетъ намъ лучше уразумѣть грамматическое строеніе этихъ языковъ. Пояснимъ сказанное примѣрами. 1) Изъ неологизмовъ,—помимо неизбѣжнаго перенесенія многихъ несуществовавшихъ до христіанства понятій изъ греческаго и еврейскаго языковъ (напр., *evangelium*, *pascha*), — особеннаго упоминанія заслуживаютъ слова *salvare* (спасать) и *salvator* (спаситель). Согласно прямому свидѣтельству блаж. Августина (*serm.* CCXCIX, 6), „эти слова не были латинскими, раньше чѣмъ пришелъ Спаситель; когда же Онъ пришелъ къ латинянамъ, то сдѣлалъ и эти слова латинскими“. Далѣе, къ новообразованіямъ слѣдуетъ причислить особенно цѣлый рядъ глаголовъ, возникшихъ или отъ существительныхъ, напр., *custodiare*, *fornicari*, *mammare*, или отъ прилагат., напр., *amaricare*, *anxiare*, *captivare*, *pessimare*, или посредствомъ сложения съ предлогами однимъ или нѣсколькими, напр., *adgaudere* (пропущено въ новомъ *Thesaurus linguae Lat.*), *perdividere*, *supercomprehendere*, *transdelegare*; частое употребленіе такъ наз. интенсивныхъ глаго-

ловъ, отъ которыхъ образовалось много глаголовъ французскихъ, напр., *ausari* (*oser*), *constatare* (*constater*), *meritare* (*mériter*), *reposare* (*reposer*) и т. д., смѣшеніе обычныхъ формъ склоненій, напр., *lampada*=*lampas*, *spirito*—*abl* (вм. *spiritu*), *spirite*—*vocat.*—*diaconem*, *diacones*, *diaconibus* (вмѣсто *d—um*, *d—i*, *d—is*); смѣшеніе родовъ, напр., *templus*, *verbus*—*masc.*, *acetabula*, *grex*—*femin.*, *baptismum*, *margaritum*—*neutr.*: необычныя флексія спряженій, напр., *diligebit*, *custodibit*, *scibo*, *adfers* = *adfer*, *adferitis*=*adferite*. II) Расширеніе значенія происходило подъ вліяніемъ греч. яз., именно: избранное для перевода латинское слово пріобрѣтало также значеніе и соответствующаго выраженія оригинала, напр., *commotio* (= *συσσεισις*) *сотрясеніе* получаетъ значеніе *бури*, *вихря*; *mansio* (= *μονή*) *пробываніе—домъ*, *гостинница* (отс. фрц. *maison*); *communicare* (= *κοινοῦν*) *сообщать*, *дѣлать общепринятымъ* — *осквернять*. Часто при этомъ прежнее общее значеніе слова суживается и получаетъ специальный, или такъ наз. въ грамматикѣ „прегнантный“, „эмфатическій“ отгѣнокъ, напр., *oratio* (= *πρόσευχή*) изъ общаго значенія *просьбы*, *прошенія* суживается до смысла *молитвы*, *supervacuus* (= *εὐτελής*) *излишній*—*ничтожный*, *незначительный*; иногда, наоборотъ, значеніе расширяется синекдохически, напр., *lascinia* (= *ἐνδυμα*) собств. *лоскутъ*, а въ Италѣ *одѣяніе*, *платье*; *titulus* (= *στῆλη*) *похвальная надпись—колонна*. III) Такъ наз. архаизмы Италы отнюдь не могутъ быть разсматриваемы, какъ таковыя въ нашемъ смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что нѣкогда и вульгарная, и литературная латынь были, несомнѣнно, единымъ языкомъ, но затѣмъ вторая, —подъ вліяніемъ знакомства съ греческою грамматикой и обработки подъ стилемъ прозаиковъ и поэтовъ,—стала мало по малу дѣлаться болѣе точною и чистою и значительно обогнала въ этомъ отношеніи вульгарную латынь, которая была гораздо консервативнѣе и сохранила большой запасъ словъ и формъ, вышедшихъ изъ употребленія въ литературномъ языкѣ. Этимъ и объясняется то явленіе, что языкъ Италы представляетъ иногда поразительныя совпаденія съ языкомъ Плавта или древнѣйшихъ республиканскихъ надписей. Къ числу подобныхъ мнимыхъ архаизмовъ относятся такія слова, какъ *interdius* (= *interdiu*), *abscultare* (= *auscultare*), *frunisci* (= *frui*), нарѣчіе *oppido*, и особенно приставка

prode, которая образовалась изъ сложения древнѣйшей формы предлога *pro*—*prod* съ предлогомъ *de* (ср. *inde*). IV) Многія общеупотребительныя понятія въ простонародномъ языкѣ означались иначе, чѣмъ въ литературномъ, напр., вмѣсто *caput* (голова) въ простонародномъ языкѣ (а также въ Италѣ) часто встрѣчаемъ *testa*, вмѣсто *equus* (лошадь)—*caballus*, вмѣсто *circulus* (кругъ)—*gyrus*, вмѣсто *os* (ротъ)—*bucca*, вмѣсто *edere* (ѣсть)—*manducare*, вмѣсто *scire* (знать)—*sapere* и т. д. Отъ этихъ простонародныхъ словъ возникли обозначенія данныхъ понятій въ романскихъ языкахъ, а именно: *testa*, *tête*; *caballo*, *cheval*; *giro*, изъ *in gyrum* вышло франц. *environ*; *bocca*, *bouche*; *manger*; *savoir* и т. д. Затѣмъ, произношеніе простонародной латыни разлилось отъ литературной; напр., уже по свидѣтельству Варрона, современника Цицерона, „мужики вмѣсто *aurum* (золото) говорили *orum*“; отсюда франц. *or*. Подобныя же явленія имѣли весьма часто мѣсто и при произношеніи согласныхъ буквъ, гдѣ, напр., смѣшивались постоянно звуки *b* и *v*; этимъ объясняется, почему изъ лат. *habere*, *debere*, *caballus* получались франц. *avoir*, *devoir*, *cheval*, и обратно—изъ латинскихъ *Vesontio*, *Peua*, *corvus* франц. *Besançon*, *Elbe*, *corbeau*. Затѣмъ, нѣкоторыя изъ вошедшихъ изъ простонароднаго языка формъ Италы помогаютъ объяснить словообразованіе въ языкахъ романскихъ; такъ, напр., франц. *lecteur* образовалось не непосредственно изъ лат. *lector*, а чрезъ простонародную форму *lectur*. Далѣе, въ области спряженія Итала помогаетъ объяснить, почему въ нынѣшнемъ франц. языкѣ глагольныя флексіи *s*, *t*, *nt* только пишутся, а не произносятся. Оказывается, что эти флексіи въ народномъ языкѣ иногда не произносились вовсе, что отмѣчалось на письмѣ ихъ отпаденіемъ. Так. обр. въ Италѣ находимъ *manen*—*manent*, *esse*—*esset*, *vul*—*vult*, *vale*—*valet*, *inquirere*—*inquireret*, *audierun*—*audierunt* и т. п. Въ области склоненій Итала представляетъ первые шаги въ развитомъ нынѣ въ романскихъ языкахъ употребленіи предлоговъ вмѣсто окончаній, напр., *virgam de platano* (вмѣсто *platani*), *digni de caelo*, *ad parentes restituit*; здѣсь-же можно отмѣтить своеобразное употребленіе предлоговъ предъ неопредѣл. наклоненіемъ, напр., *ad manducare*, *ad offerre*, объясняющее такіе франц. обороты, какъ *à manger*, *à offrir*. Изъ синтактическихъ явленій въ

языкъ Италы наблюдается употребленіе указательныхъ мѣстоименій *ille, ipse, hic* и *is* и числительнаго *unus* въ смыслѣ членовъ опредѣленнаго и неопредѣленнаго, напр., *adducite vitulum illum saginatum* (Лук. 15, 23 τὸν μόσχον τὸν σιτευτόν); *cum venisset autem una vidua* (Марк. 12, 42). Французскій языкъ, какъ извѣстно, раздвоилъ *ille*, при чемъ первая половина получила значеніе мѣстоименія (*il*), а вторая—опредѣленнаго члена (*le*). Далѣе, болѣе полныя глагольныя формы замѣняютъ иногда мѣсто болѣе краткихъ, именно: прежде всего *coniunct. plusquamperf.* ставится вмѣсто *coni. impf.*; напр., *obsecrans, ut cuncti cultores domini fuissent in regno suo*. Франц. языкъ представляетъ весьма любопытную аналогію этому явленію, потому что такъ наз. *imparfait du subjonctif* есть въ сущности ни что иное, какъ лат. *coni. plusquamperf.*, напр., *que je demandasse=demandassem, que je punisse=punissem, que je descendisse=descendissem*¹⁾. Наконецъ, вмѣсто почти не встрѣчающейся нынѣ въ романскихъ языкахъ конструкціи винит. пад. съ неопред. накл. (асс. с. inf.) въ языкѣ Италы часто употребляются союзы *quod, quia, quoniam*, чѣмъ латинскіе переводчики Библии хотѣли возможно ближе передать греческія конструкціи съ *ὅτι* или *ὅς*.

Не смотря на возможную близость къ оригиналу, которую соблюдали древнѣйшіе переводчики слова Божія, переводы эти все-же съ теченіемъ времени стали сильно разниться другъ отъ друга. Причинъ этому было главнымъ образомъ двѣ: 1) разнообразіе переводчиковъ, которые дѣйствовали въ различныхъ провинціяхъ обширной римской имперіи, и 2) неизбѣжныя ошибки при списываніи кодексовъ. Это различіе переводныхъ версій достигло особенно значительныхъ размѣровъ ко второй половинѣ IV-го вѣка, когда,—по нѣсколько преувеличенному выраженію блаж. Иеронима,—каждый списокъ представлялъ отдѣльный изводъ (*cum apud latinos tot sint exemplaria, quot codices: praef. in Ios.*). Папа Да-

¹⁾ Извѣстно, что вообще много библейскихъ выраженій—особенно изъ Новаго Завѣта—встрѣчаются во французскомъ языкѣ, гдѣ такимъ образомъ доселѣ отражается понятіе латинскихъ, библейскихъ переводовъ: см. *L.—Cl. Fillion, Echos bibliques dans le langage français contemporain* въ „Revue de l'Institut catholique de Paris“ за мартъ—апрѣль и май—іюнь 1906 г.

мась I (366—384 г.г.) обратилъ вниманіе на это обстоятельство, вносящее не малая смуты въ церковь, и искалъ содѣйствія въ этомъ отношеніи у знаменитаго учителя Церкви, блаж. Іеронима Стридонскаго. Тотъ быстро принялся за работу, повидимому, не терпѣвшую никакого отлагательства, и въ 383 г. представилъ папѣ пересмотрѣнный, на основаніи существующихъ списковъ Италы, переводъ 4-хъ Евангелій. Въ томъ-же году блаж. Іеронимъ вручилъ папѣ исправленный текстъ псалтири, а, вѣроятно, также и остальную часть Новаго Завѣта. Названный переводъ псалтири, впрочемъ, не вошелъ въ общій трудъ блаж. Іеронима, потомъ съ (XIII вѣка у Рож. Бакона) получившій, въ силу его общераспространенности, названіе *Вульгаты* (*Vulgata*), хотя и доселѣ примѣняется при богослуженіи въ соборѣ св. Петра въ Римѣ. По мѣсту окончанія работы онъ называется *Psalterium Romanum*. По смерти своего покровителя, папы Дамаса, Іеронимъ, имѣвшій въ Римѣ много неприятностей, удалился отсюда на востокъ и въ концѣ концовъ поселился въ Вилеємѣ. Здѣсь онъ примѣнилъ свои огромныя лингвистическія познанія, еще болѣе расширенныя при помощи сношеній съ учеными раввинами, для пересмотра латинскаго текста и Ветхаго Завѣта, при чемъ въ сомнительныхъ мѣстахъ перевода семидесяти толковниковъ онъ обращался непосредственно къ еврейскому оригиналу. Прежде всего Іеронимъ приступилъ къ вторичному пересмотру псалтири, такъ какъ первая рецензія ея была сдѣлана имъ наскоро. Эта вторая рецензія называется *Psalterium Gallicanum*, потому что впервые вошла въ употребленіе въ Галліи. Она же входитъ и въ составъ Вульгаты. Остальные тексты, надъ пересмотромъ которыхъ трудился Іеронимъ, потеряны, кромѣ книги Іова, но она не вошла въ Вульгату. Во время этой рецензіи текста у Іеронима появилась мысль примѣнить свои познанія въ еврейскомъ языкѣ для новаго пересмотра существующихъ на этомъ языкѣ ветхозавѣтныхъ книгъ. На эту работу Іеронимъ посвятилъ 15 лѣтъ (390—405 г.г.). Не успѣлъ онъ ни пересмотрѣть текста, ни перевести заново слѣдующихъ книгъ: Премудрости Соломоновой, Іисуса, сына Сирахова, пророка Варуха, посланія Іереміи и двухъ Маккавейскихъ, почему эти книги попали въ Вульгату изъ Италы. Съ этимъ краткимъ историческимъ очеркомъ возникновенія

Вульгаты необходимо считается при разсмотрѣннн ея языка, такъ какъ, на основанн доселѣ сказаннаго, мы видимъ, что Вульгата распадается на три части, а именно, 1) оставленную нетронутой блаж. Иеронимомъ Италу, куда входятъ только что перечисленныя шесть книгъ Ветхаго Завѣта, 2) пересмотрѣнную Италу, содержащую весь Новый Завѣтъ и псалтирь (*Psalterium Gallicanum*; см. выше) и 3) часть, переведенную блаж. Иеронимомъ непосредственно съ еврейскаго, т. е. всѣ остальные книги Ветхаго Завѣта, кромѣ указанныхъ 7. Эти части, естественно, разнятся между собою, и по языку. Разсмотрѣнне языка первой изъ нихъ оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ это—та же Итала, главнѣйшн лексическн особенности которой уже указаны. Во второй части, только пересмотрѣнной блаж. Иеронимомъ, главное вниманне учителя Церкви, при общей спѣшности его работы, было обращено на устраненне явныхъ промаховъ прежнихъ переводовъ, и стилистическихъ исправленн имъ было сдѣлано здѣсь весьма немного. Общн фонъ языка остался плебейскн, что доказыается, напр., такими формами, какъ *rag-tibor, metibor, vetati sunt*. Слѣдуетъ замѣтить также, что по языку Новый Завѣтъ и псалтирь иногда довольно значительно разнятся другъ отъ друга, напр., обычная форма псалтири есть *holocaustum*, а въ Н. Зав. встрѣчаются въ замѣнъ этого *holocaustoma* или *holocaustoma*; точно также только въ Н. Зав. встрѣчается сочетанне *invicem iterum* и только въ псалтири слова *susceptor, inops, iucundus, dispereo* и т. д. Понятно далѣе, что въ языкѣ второй части встрѣчается много словъ, общнхъ съ первой и не попадающихъ въ третью; таковы, напр., прилагательныя *corruptibilis, insensatus* (ср. франц. *insensé*) или глаголы *adaperio, collaudo, defraudo, demoror*, вмѣсто которыхъ въ третьей части встрѣчаются несложныя слова.

Обратимся теперь къ характеристикѣ языка третьей части. Конечно, и здѣсь трудно говорить о какомъ-нибудь единообразнн, потому что, какъ видно уже изъ краткаго историческаго очерка возникновенн Вульгаты, работа велась блаж. Иеронимомъ далеко не одновременно; не было въ переводѣ также и особой равномѣрности; такъ, напр., извѣстно, что быстрѣе всего перевелъ Иеронимъ книги Товита и Юднн. Работа надъ первой была закончена даже въ одинъ день,

потому что столько времени оставался на помощь переводчику иудейскій раввинъ, который устно перелагалъ Иерониму оригиналь. Понятно отсюда, что языкъ этихъ книгъ представляетъ много сходства не только со второй, но даже и съ первою частію, давая такія вульгарныя слова, какъ *improperium*, или формы, какъ *sinceriter*. Отрѣщаясь отъ этихъ и тому подобныхъ частности, мы должны прежде всего поставить языкъ третьей части Вульгаты въ связь съ личностію самого переводчика. Иеронимъ принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени и былъ весьма начитанъ въ языческой латинской литературѣ. Слѣды этой начитанности, соединенные съ его колоссальною памятью, неизбѣжно должны были отразиться на его переводной работѣ; и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ здѣсь такія выраженія, которыя прямо напоминаютъ фразы языческихъ писателей, напр., Эсеп. 9, 4 (*fama*) *per cunctorum ora volitabat* есть реминисценція эпиграммы язич. поэта Эннія (239—169 г. до р. Хр.): „*volito vivos per ora virum*“, или въ той-же книгѣ (13, 2) *vitam silentio transigentes* напоминаетъ выраженіе извѣстнаго историка Саллюстія: „*ne vitam silentio transeant*“. Затѣмъ, ко времени Иеронима прошла та пора, когда слово Божіе должно было обращаться исключительно къ простому народу, такъ какъ новая вѣра завоевала себѣ огромное количество лицъ и изъ образованныхъ классовъ общества; поэтому новый переводчикъ Библии, подчиняясь литературнымъ вкусамъ просвѣщенныхъ читателей, долженъ былъ значительно измѣнить тѣ плебейскіе обороты и выраженія, которыя преобладали ранѣе въ языкѣ священныхъ книгъ. Конечно, вполне достигнуть этой цѣли было не подѣ силу одному человѣку, и потому стиль третьей части Вульгаты, смѣшанный изъ элементовъ антично-классическаго и народно-христіанскаго, является вѣрнымъ отпечаткомъ дѣятельности самого великаго учителя церкви, который всю свою жизнь стремился слить и примирить антично-языческое образованіе съ христіанствомъ и современнымъ самому Иерониму общественнымъ настроеніемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ о тщательности работы Иеронима надъ чистотою языка Вульгаты. Особенно нагляднымъ станетъ это стремленіе при сопоставленіи Лук. 2, 23, *omne masculinum adaperiens vulvam* съ Исход. 34, 19 *omne quod aperit vulvam generis masculini*,

гдѣ Іеронимъ намѣренно вмѣсто сложнаго *adaperiens* ставитъ единственно употребительный въ классической латыни простой глаголь *aperire*; точно также вмѣсто вульгарныхъ словъ *sanctitudo* и *sanctimonia* онъ ставитъ классич. *sanctitas*, вмѣсто вульгарнаго *munimen*—классическое *munimentum*, вмѣсто *odibilis*—*odiosus* и т. д. Стремленіе къ чистотѣ языка заставляло, далѣе, Іеронима замѣнять иногда греческія слова, встрѣчающіяся въ первой и второй частяхъ Вульгаты, латинскими; напр., вмѣсто *cataclysmus* ставитъ онъ *inundatio* или *diluvium*, вмѣсто *moechia*—*adulterium* или *stuprum*, вмѣсто *thronus*—*solium* и т. д. Церковный учитель хотѣлъ также по возможности ясно и правильно передать не только отдѣльныя слова и фразы, но и логическую связь ихъ между собою. Извѣстно, что еврейскій языкъ отличается значительною неподвижностію въ синтактическомъ отношеніи и крайнею бѣдностію частицъ, которая становится особенно замѣтною при сравненію его съ языками древнеклассическими. Этотъ примитивный способъ соединенія фразъ въ оригиналѣ, въ общемъ очень близко подходившій къ простонародному римскому языку, удержанъ былъ Италой. Но блаж. Іеронимъ, работая для образованныхъ читателей, позволилъ себѣ въ данномъ отношеніи значительно видоизмѣнить дѣтски-наивный способъ выраженія еврейскаго оригинала, путемъ примѣненія многочисленныхъ частицъ, тонко отбѣняющихъ какъ мѣсто отдѣльнаго слова въ предложеніяхъ, такъ и соотвѣтствующее отношеніе этихъ послѣднихъ между собою. Изъ такихъ частицъ, встрѣчающихся только въ 3-ей части Вульгаты, отмѣтимъ: *attamen*, *neque*, *neque non*—большею частію въ соединеніи съ *et*, *dumtaxat*, *penitus* (въ соедин. съ отриц.), *praesertim*, *denique*, *dudum*, *nimirum* и т. д. Наконецъ, будучи хорошимъ стилистомъ и обладая значительнымъ художественно-литературнымъ вкусомъ, блаж. Іеронимъ, естественно, долженъ былъ приложить стараніе и къ тому, чтобы его переводъ отличался, сообразно содержанию, извѣстною торжественностію стиля. Однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія этого являлось сознательное примѣненіе такъ наз. архаизмовъ, многіе изъ которыхъ ко времени Іеронима уже совершенно вышли изъ употребленія въ обыденной рѣчи. Къ числу такихъ словъ относятся, напр., слѣдующія: *oppidum* (городъ), глаголь *fari*, который по своему употребленію о

торжественной, величавой рѣчи, повидимому, представлялся церковному учителю особенно пригоднымъ для выраженія возвышеннаго тона, напр., пророческихъ реченій; *quaeso ut*—конструкція, которая представлялась устарѣлою уже во время Цицерона и употреблялась имъ только въ высокомъ стилѣ; сочетаніе *ea tempestate* и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ носятъ вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическій колоритъ, напр., *artus* (въ смыслѣ *membra*), *caesaries*, *crucor*, *fanula*, *fluentum* (всегда во множ. ч.), *libamen* и т. д.

Конечно, трудъ блаж. Иеронима вошелъ въ употребленіе не сразу, и при введеніи его въ церковный обиходъ возникали иногда ожесточенные споры, поднимаемые защитниками Италы; также напр., въ одной христіанской общинѣ Африки вѣрующіе подняли цѣлую бурю, услышавъ въ книгѣ пророка Іоны (4, 6. 7. 9. 10) вмѣсто обычной тыквы (*cucurbita*) плющъ (*hedera*), и епископъ вынужденъ былъ въ концѣ концовъ оставить тыкву. Последнимъ изъ церковныхъ писателей, пользующихся исключительно Италой, можно назвать св. Колумбана († 615 г.).

Съ теченіемъ времени, при неизбѣжномъ распространеніи путемъ переписыванія, Вульгата также подверглась участи Италы, т. е. въ Вульгатѣ „та же разносторонность въ рецензій текста, то же самое уклоненіе отъ первоначальнаго вида, та же ненадежность въ выраженіи cadaго отдѣльнаго мѣста, которую ставили прежде въ упрекъ старшимъ переводамъ, проникли теперь и въ младшій“ (*Жауленъ*, Исторія Вульгаты, стр. 279). Изобрѣтеніе книгопечатанія нисколько не облегчило дѣла, въ виду отсутствія одной надежной рецензій, а по большей легкости распространенія экземпляровъ еще болѣе запутало вопросъ. Поэтому уже въ эпоху реформаціи нѣкоторые изъ ученыхъ мужей пытались исправить текстъ Вульгаты по рукописямъ. Болѣе энергично принялся за дѣло папа Сикстъ V, созвавшій въ 1587 г. особую комиссію (такъ наз. *Sixtini*) для пересмотра перевода блаж. Иеронима. Для работъ этой комиссіи было собрано множество кодексовъ Вульгаты, между прочимъ знаменитый *Amiatinus* изъ Цистерціанскаго монастыря на *Mont'Amiata*; эта рукопись была положена въ основу рецензій. Въ 1589 г. работа комиссіи была окончена, и текстъ врученъ папѣ, который,—неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ,—подвергъ

рецензію текста, выработанную комиссією, основательнымъ исправленіямъ, такъ что, по смерти Сикста († 1590 г.), комиссія потребовала у новаго папы, Григорія XIV, вторичнаго исправленія перевода. Преждевременная смерть Григорія въ 1591 г. снова нѣсколько задержала дѣло перевода, уже оконченнаго комиссією, и только при слѣдующемъ папѣ, Климентѣ VIII, суждено было довести до конца колоссальную работу, именно: въ концѣ 1592 г. извѣстный типографъ Альдъ Мануцій напечаталъ исправленный текстъ Библии. Изъ перепечатокъ этого изданія наиболѣе надеженъ экземпляръ въ рецензіи Верчеллоне: *Biblia Sacra Vulgatae editionis Sixti V. et Clementis VIII. Pont. Maxx. jussu recognita atque edita* (Romae 1861). Конечно, въ филологическомъ отношеніи эта работа далеко не удовлетворительна, и только текущее столѣтіе должно увидѣть строго критическую рецензію перевода блаж. Иеронима (въ трудѣ англійскихъ ученыхъ епископа Wordsworth'a и White), съ окончаніемъ которой (пока имѣется изъ этой „Оксфордской Вульгаты“ только томъ I-й, содержащій Евангелія, Охоніи 1889—1898) можно будетъ составить научную грамматику Вульгаты, существенно необходимую для правильной экзегезы. вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе языка Вульгаты весьма важно и по тому огромному вліянію, которое оказала она на христіанскихъ писателей, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и обратимся.

Не трудно догадаться, что главной заботой этихъ писателей при началѣ христіанской литературы было отстоять свою вѣру отъ многочисленныхъ нападковъ со стороны язычниковъ; или, — другими словами, — первоначальная христіанская литература должна была принять характеръ апологетическій.

Первымъ по времени явленіемъ на этомъ поприщѣ считаютъ обыкновенно діалогъ Октавій, написанный *Минуціемъ Феликсомъ* (немного ранѣе 200 г. по р. Хр.). Защита христіанства изложена здѣсь въ формѣ собесѣдованія между представителями старой и новой вѣры. По имени защитника христіанства, Октавія, названъ и діалогъ. Авторъ стремится поразить язычество, такъ сказать, его собственнымъ оружіемъ и привлечь къ христіанству образованные классы общества. Съ этою цѣлью онъ заимствуетъ доказательства противъ политеизма у Цицерона и Сенеки; не даромъ съ

давнихъ поръ усматриваютъ въ фигурѣ Октавія большое сходство съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сочиненіи Цицерона „О природѣ боговъ“ (*De natura deorum*), жрецомъ Авреліемъ Коттой. Вообще, Минуцій прежде всего имѣлъ въ виду показать, что христіанство не является чѣмъ-то особенно новымъ и поражающимъ, что это скорѣе новая форма философіи, чѣмъ религія; поэтому догматическая часть отсутствуетъ въ сочиненіи почти совершенно. Способъ аргументаціи повліялъ и на языкъ сочиненія. Среди господствовавшаго тогда архаистическаго стиля „Октавія“ выгодно выдѣляется своимъ легкимъ и изящнымъ изложеніемъ, напоминающимъ лучшихъ представителей золотой и серебряной литературы. Въ своемъ стремленіи къ изяществу изложенія Минуцій заходитъ такъ далеко, что становится неяснымъ и неточнымъ насчетъ многихъ истинъ христіанской вѣры, для которыхъ не находилось соответствующихъ выраженій въ языкѣ язычниковъ.

Полною противоположностью Минуцію Феликсу является пресвитеръ карагенскій *Квинтъ Септимій Флорентъ Тертуллианъ*. Время жизни его точно неизвѣстно, — приблизительно между 160—230 гг.; въ новѣйшее время нѣкоторые авторитетные ученые, какъ напр., Гарнакъ и Массебіё, считаютъ, что Тертуллианъ писалъ даже ранѣе Минуція Феликса. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя можно раздѣлить по ихъ содержанію на три отдѣла: апологетическія, морально-паранетическія и догматико-полемическія, Тертуллианъ проявляетъ повсюду непримиримую ненависть къ своимъ противникамъ. Перейдя подъ конецъ жизни въ монтеизмъ, онъ громилъ православную церковь такъ же, какъ ранѣе язычниковъ. Непримируемость Тертуллиана сказывается въ томъ, что онъ порываетъ рѣшительно всякую связь не только съ языческой религіей и государственною, но и съ ихъ философіей, литературой и искусствомъ. Въ своемъ знаменитомъ изреченіи *credo, quia absurdum* онъ доходитъ до признанія полной противоположности между вѣрою и знаніемъ. Любопытно однако, что, желая убѣдить римлянъ, Тертуллианъ все же говоритъ съ ними, какъ языческой юристъ (—родъ его первоначальныхъ занятій—) и политикъ, а въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „О греческомъ плащѣ“ (*de pallio*) онъ, — можетъ быть, и безсознательно, —

отдаеть дань тому риторическому языческому образованію, которое онъ такъ яростно преслѣдовалъ. Во всякомъ случаѣ апологетическіе и догматическіе труды Тертулліана, изъ которыхъ первые принадлежать къ лучшимъ его твореніямъ, доставили ему славу основателя западнаго христіанскаго богословія. Но еще болѣе велика заслуга Тертулліана въ томъ отношеніи, что онъ, по свидѣтельству многихъ авторитетнѣйшихъ ученыхъ (между прочимъ, и Ад. Гарнака въ „Зап. Берлинск. Акад.“ 1895, стр. 546), является создателемъ церковной латыни ¹⁾. Тертулліанъ, пожалуй, болѣе всякаго другого латинскаго автора счумѣлъ передать въ своемъ слогѣ выраженіе личныхъ ощущеній. Поэтому онъ обращается съ языкомъ съ полнымъ произволомъ и составляетъ массу неологизмовъ. Въ общемъ, стиль его отличается необыкновенною страстностію и возбужденностію; величаяя и серьезная важность соединяется здѣсь бокъ—о—бокъ съ памфлетическою живостію и напыщенною темнотою. Въ силу этихъ качествъ Тертулліанъ является однимъ изъ самыхъ трудныхъ латинскихъ писателей. По выраженію французскаго филолога и историка Г. Буассье, этотъ писатель задаетъ своему читателю рядъ загадокъ, отгадывать которыя тотъ приучается исподволь и не сряду, напр., чтобы выразить понятіе „смотреть и не видѣть“, Тертулліанъ говоритъ *homericis oculis spectare*; чтобы указать правильность складокъ четырехугольнаго плаща, онъ называетъ ихъ *quadrata iustitia*; говоря о деревѣ, дающемъ шерсть, и раковинахъ, служащихъ для окраски тканей, Тертулліанъ выражается: „мы сѣмъ и ловимъ свою одежду.“ Весьма часто также Тертулліанъ дѣлаеть быстрые скачки отъ одной мысли къ другой, не указуя на это своему читателю никакой соединительной частицей. Изъ другихъ болѣе частныхъ особенностей Тертулліанова языка можно отмѣтить частое употребленіе словъ въ необычномъ значеніи, напр., *armarium* (шкафъ) въ смыслѣ *канонъ*, *proditor* (предатель)—въ смыслѣ *проявитель*, *erogare* (выдавать)—въ смыслѣ *умерщвлять*, *resignare* (распечатывать)—въ смыслѣ *насиловать*, *subscribere* (подписы-

¹⁾ Ср. и Prof. W. M. Ramsay, Tarsus въ „The Expositor“ 1906. X, p. 367, что—подобно св. Апостолу Павлу—„Tertullian was mainly influencia in devising a Latin expression for the Greek Christian theology“.

вать)—въ смыслѣ *признавать, соглашаться* и т. д. Затѣмъ у Тертулліана встрѣчается много грецизмовъ, смѣлость употребленія которыхъ идетъ далѣе всѣхъ другихъ писателей. напр., *cooperit... de virginis exire* (τοῦ τῆς παρθένου ἐξιέναι) или *manifestus est labefactans fiduciam* (φανερὸς ἐστὶ σφάλλων); нѣкоторые изъ этихъ грецизмовъ объясняютъ намъ формообразованіе романскихъ языковъ, напр., *amare habeo* (φιλεῖν ἔχω)= *amer-ò, aimer-ai*, или извѣстныя уже изъ языка Итали кон-струкціи *scio quod* (οἶδ' ὅτι)= *io so che, je sais que*. Далѣе, переходные глаголы часто употребляются, какъ непереходные, напр., въ трактатѣ „о плащѣ“ *explicare, producere, suspendere*; смѣшиваются винит. и творит. падежи при предлогѣ *in*, напр., *tradidit eos in manibus diripientium, in uterum bestiae invenio*. По своимъ стилистическимъ особенностямъ Тертулліанъ является истымъ софистомъ; изъ встрѣчающихся у него фигуръ рѣчи наиболѣе часто примѣняется имъ анти-теза, при помощи которой онъ достигаетъ иногда поразительнаго эффекта; таково, напр., его разсужденіе о томъ, что темница мучениковъ является ихъ настоящею свободой.

Всѣ крайнія излишества и рѣзкости Тертулліанова стиля являются въ значительной мѣрѣ сглаженными у его младшаго современника, епископа карфагенскаго, *Фасція Цецилія Кипріана* (родился около нач. III вѣка, обезглавленъ по приказу импер. Валентиніана въ 257 или 258 г.). Св. Кипріанъ выросъ въ язычествѣ и долгое время, до принятія христіанства (въ 246 г.), преподавалъ риторику въ Карфагенѣ, а впослѣдствіи тамъ же былъ епископомъ. Изъ сочиненій его особаго упоминанія заслуживаютъ два: *De catholicae ecclesiae unitate*, гдѣ впервые систематизируется болѣе ранній матеріаль о сущности и характерѣ Церкви, и *Ad Donatum*—мастерски написанная культурная картина все болѣе и болѣе усиливающагося нравственнаго паденія римскаго общества. Съ точки зрѣнія культуры важна также многочисленная переписка Кипріана. Языкъ и стиль его являются точнымъ отраженіемъ его мягкой, чувствительной души и солиднаго риторическаго образованія; выраженіе мысли въ общемъ отличается благородствомъ, часто поэтической изобразительностію, равно какъ симметричнію и ритмикою. Эти качества, а также нѣкоторая расплывчатость изложенія дѣлаютъ образы Кипріана далеко не такими яс-

ными и рельефными, какъ энергичные и рѣзкіе штрихи Тертуллиана. Понятно далѣе, что такой писатель, какъ Кипріанъ, не могъ быть особымъ новаторомъ языка. При своей склонности къ отвлеченному мышленію онъ охотно образовывалъ для означенія новыхъ христіанскихъ понятій нѣсколько абстрактныхъ существительныхъ на—tio, а, — при стремленіи къ болѣе простотѣ языка,—изъ 10 вновь созданныхъ имъ глаголовъ 9 оканчиваются на—age. При ближайшемъ разсмотрѣніи стиля св. Кипріана сразу вспоминается то обстоятельство, что онъ долгое время былъ преподавателемъ риторики. Стремясь къ болѣе закругленности выраженія, желая получить аллитерацію, риѳму, а особенно любимую клаузулу, Кипріанъ иногда жертвуетъ наклоненіемъ, ставя сослагательное вмѣсто изъявительнаго, сравнительную степень вмѣсто положительной, сложное quicumque вмѣсто простого qui, составной или фреквентативный глаголъ вмѣсто простого и т. п. Особенно тщательною отдѣлкой отличается трактатъ ad Donatum, который вмѣстѣ съ тѣмъ на каждомъ шагу представляетъ реминисценціи изъ богатой начитанности карфагенскаго епископа въ языческихъ авторахъ. Во всякомъ случаѣ, судя по языку нѣкоторыхъ изъ корреспондентовъ, письма которыхъ сохранились среди переписки Кипріана, видно, какъ изящна и правильна въ общемъ была его рѣчь.

Отнюдь не цѣнное ни съ точки зрѣнія христіанства, ни съ точки зрѣнія языка пріобрѣтеніе для новой вѣры представляетъ слѣдующій по времени за св. Кипріаномъ (около 295 г.) писатель *Арнобій*, также африканецъ. Его апологетическій трактатъ „7 книгъ противъ народовъ“ (adversus nationes, или, по Иерониму, adversus gentes, libri VII) не представляетъ никакого интереса для богослова, потому что, судя по всему, Арнобій, былъ плохимъ христіаниномъ: онъ почти совершенно не знаетъ Новаго Завѣта и вовсе не знакомъ съ Вѣтхимъ, признаетъ смертную природу души и т. д. Но для филологіи и исторіи культуры трактатъ Арнобія далеко не маловаженъ, такъ какъ онъ сообщаетъ въ своей полемикѣ много цѣннаго мнѣологическаго матеріала и впервые вноситъ въ христіанство элементы неоплатонизма, обильно развитые потомъ блаж. Августиномъ. Арнобій до обращенія въ христіанство былъ также учителемъ рито-

рики, но, наряду съ обиліемъ риторическихъ фигуръ, трактатъ его написанъ въ высшей степени задорнымъ, аффектированнымъ и памфлетическимъ стилемъ, мало идущимъ къ религіи мира и любви. Поэтому послѣдующіе писатели или замалчиваютъ Арнобія (Лактанцій), или рѣзко осуждаютъ его (Иеронимъ).

Непріятное впечатлѣніе, произведенное трактатомъ Арнобія, совершенно загладили ученикъ его по риторской школѣ *Лактанцій* (Lucius Caecilius Firmianus Lactantius, † около 325 г.). Мѣсто рожденія его точно не извѣстно, но, судя потому, что онъ былъ ученикомъ Арнобія, можно предполагать, что онъ происходилъ также изъ Африки, откуда, по приглашенію импер. Діоклетіана, переселился въ Никомидію (въ Визиніи) для распространенія латинскаго образованія между тамошними жителями; въ Визиніи-же онъ позналъ истиннаго Бога. Въ глубокой старости Лактанцій получилъ мѣсто воспитателя цезаря Криспа, сына Константина Великаго. Перейдя въ христіанство изъ среды образованнаго язычества, Лактанцій пожелалъ помочь своимъ прежнимъ собратьямъ усвоить истинную вѣру. Съ этою цѣлю онъ, подобно Минуцію Феликсу, стремится поразить язычество на его же собственной почвѣ и пишетъ, въ духѣ Цицерона и его стилемъ, свой знаменитый трактатъ *Divinarum institutionum libri VII* (7 книгъ введенія въ Божественное ученіе). Главною задачей трактата было дать на латинскомъ языкѣ систему христіанскаго міровоззрѣнія. Не будучи богословомъ-специалистомъ, а скорѣе,—по остроумному выраженію одного нѣмецкаго ученаго,—лишь „беллетристомъ въ богословіи“, Лактанцій вполне правильно назвалъ свой трудъ только „введеніемъ“ въ христіанство, такъ какъ въ сущности догматисты имѣютъ мало поводовъ сослаться на него. Тѣмъ не менѣе значеніе его трактата весьма велико. Прежде всего, онъ въ высшей степени привлекателенъ своимъ благороднымъ и изящнымъ языкомъ, всецѣло навѣяннымъ Цицерономъ, такъ что блаж. Иеронимъ называетъ Лактанція „потомкомъ Цицеронова краснорѣчія“ и „краснорѣчивѣйшимъ писателемъ среди его современниковъ“, а въ значительно послѣдующее время Лактанцій получилъ даже названіе „христіанскаго Цицерона“. Неудивительно поэтому, что трактатъ его приобрѣлъ огромное вліяніе на много послѣдующихъ

поколѣній и способствовали въ значительной мѣрѣ работкѣ той части средневѣковаго міросозерцанія, которая враждебно относилась къ точнымъ наукамъ. Въ самомъ дѣлѣ, Лактанцій въ своемъ трактатѣ вытѣсняетъ, такъ сказать, науку Библію. Именно, онъ съ крайнимъ пренебреженіемъ относится къ изученію природы и прямо говоритъ, что человѣкъ не можетъ познать ея; доказываетъ онъ это, между прочимъ, тѣмъ, что Богъ скрылъ отъ взора человѣка все, что происходитъ внутри его тѣла; значитъ, — прибавляетъ Лактанцій, — Богъ не хотѣлъ, чтобы человѣкъ изслѣдовалъ вещи, которыя ему не подобаютъ. Конечно, этотъ церковный писатель не подозрѣвалъ тѣхъ крайностей, къ которымъ придетъ со временемъ подобное міровоззрѣніе, осудившее на костеръ Джордано Бруно и подвергнувшее пыткѣ Галилея. Изъ мелкихъ сочиненій Лактанція особаго вниманія заслуживаетъ одно, принадлежность котораго этому автору, впрочемъ, остается подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, именно: — „о родѣ смерти преслѣдователей“ (*de mortibus persecutorum*). Это — первый опытъ исторіи церкви, — правда, очень тенденціозный, такъ какъ авторъ трактата пытается доказать, что всѣ императоры, преслѣдовавшіе христіанъ до Ликинія, которому посвящено сочиненіе, погибли жестокою смертію. О языкѣ Лактанція, въ виду неоднократно упоминавшагося сильнаго вліянія на него Цицерона, распространяться излишне. Во всякомъ случаѣ, и этому церковному писателю присуще стремленіе къ образованію для своихъ цѣлей христіанскихъ неологизмовъ, измѣненіе значенія словъ, но въ общемъ это замѣтно у него гораздо менѣе, чѣмъ у его предшественниковъ, Тертулліана и Кипріана, значительно облегчившихъ его задачу. Съ историко-культурной точки зрѣнія сочиненія Лактанція важны, наконецъ, и тѣмъ, что сохранили въ цитатахъ нѣкоторыя не дошедшія до насъ произведенія Цицерона и Сенеки.

Лактанцій является послѣднимъ виднымъ писателемъ III вѣка нашей эры. Въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія христіанская религія одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ язычествомъ, и это торжество Церкви не могло не содѣйствовать пышному расцвѣту христіанской литературы какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Въ IV-мъ столѣтіи была, какъ мы уже видѣли снова переведена Библія, появились

выдающіеся труды по богословію, философіи, христіанской этики, церковной и всеобщей исторіи; даже философія исторіи нашла себѣ великаго представителя въ лицѣ блаж. Августина, знаменитое произведеніе котораго „О градѣ Божіемъ“ принадлежитъ къ выдающимся явленіямъ міровой литературы.

Первымъ крупнымъ писателемъ этого періода является св. Амвросій, епископъ медиоланскій (миланскій). Отличаясь высокими умственными и нравственными качествами, Амвросій былъ по своей природѣ скорѣе практикомъ, чѣмъ теоретикомъ, такъ что дѣятельность его принадлежитъ гораздо болѣе исторіи Церкви, чѣмъ исторіи литературы. Въ общемъ, Амвросій писалъ много, но огромное большинство его прозаическихъ твореній выросло изъ проповѣдей и явилось, такимъ образомъ, продиктованнымъ духомъ времени. Правда, мы имѣемъ восторженный отзывъ объ этихъ проповѣдяхъ, принадлежащій не кому иному, какъ блаж. Августину, но, перечитывая эти литературные памятники теперь, должны признать, что главное обаяніе указанныхъ произведеній лежало, очевидно, не въ нихъ самихъ, а въ личности произносившаго ихъ. Въ своихъ богословскихъ трактатахъ Амвросій стоитъ въ сильной зависимости отъ восточныхъ отцовъ Церкви, особенно св. Василія Великаго, а при истолкованіи слова Божія сильно пользуется аллегоріей. Въ послѣдующее время изъ трактатовъ Амвросія особенно усердно читали *De officiis ministrorum* (объ обязанностяхъ священнослужителей), гдѣ авторъ впервые пытался дать систему общей христіанской этики. Образцомъ для Амвросія служило извѣстное сочиненіе Цицерона *de officiis*, но христіанскій писатель замѣнилъ языческіе примѣры изъ римской исторіи примѣрами изъ Ветхаго Заветъа и позаботился о томъ, чтобы тщательно подкрѣпить свои философскія положенія цитатами изъ Свящ. Писанія. Кромѣ даннаго случая заимствованія у Цицерона, Амвросій и въ другихъ сочиненіяхъ охотно пользовался поэтическими образами и философскими мыслями изъ языческой литературы, оправдывая себя тѣмъ, что языческіе писатели заимствовали много у Моисея и пророковъ. Стиль Амвросія, въ общемъ, отличается возвышенностію (*grande dicendi genus*, какъ отзывается о немъ блаж. Августинъ), но не рѣдко при кипучей дѣятельности епископа ему приходилось обращать мало вниманія на отдѣлку своихъ твореній,

и тогда изложеніе его становится довольно расплывчатымъ. Проповѣди отличаются значительною манерностію и стремленіемъ къ возможной закругленности выраженія. О поэтической дѣятельности св. Амвросія, къ которой онъ вызванъ былъ также практической потребностію—борьбы съ арианствомъ, сказано будетъ ниже.

Въ числѣ прочихъ заслугъ миланскаго епископа предъ Церковію надо особенно отмѣтить и то, что онъ привлекъ къ ней такого высокодаровитаго мужа, какъ *блаж. Августинъ* (354—430 г.г.). Огромное значеніе его литературной дѣятельности объясняется тѣмъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ весьма немногихъ людей древности, который сумѣлъ соединить въ своей личности лучшія стороны Греціи и Рима: идеальное философское міросозерцаніе первой и энергически-практическую конструктивную силу второго. Августина называютъ самымъ плодовитымъ писателемъ изъ западныхъ церковныхъ писателей: въ лучшемъ пока изданіи его сочиненій, выпущенномъ въ свѣтъ Бенедиктинцами въ концѣ XVII столѣтія, они занимаютъ 11 томовъ въ листъ. Въ настоящемъ случаѣ я позволю себѣ остановиться особенно только на двухъ трактатахъ, которые невольно приходятъ на умъ всякому образованному читателю, при упоминаніи имени Августина, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему непреходящему значенію, не будутъ никогда забыты въ исторіи всемірной литературы. Это, конечно,— „Исповѣдь“ и „О градѣ Божіемъ“.

Первый трактатъ (*Confessionum libri XIII*) изображаетъ намъ внутреннюю духовную жизнь Августина, начиная съ его ранняго дѣтства и кончая 33 годами жизни, когда онъ отказался отъ всего того, что ему доселѣ было дорого, и перешелъ въ христіанство. Книга эта прежде всего привлекала и привлекаетъ читателей всѣхъ временъ своею откровенностію и чистосердечіемъ. Не даромъ авторъ назвалъ ее „Исповѣдью“: она и написана въ формѣ исповѣди предъ Богомъ, которому *блаж. Августинъ* открываетъ всѣ самыя сокровенныя тайники своей души. Какъ извѣстно, жизнь этого церковнаго писателя была далеко не заурядной; до обращенія въ христіанство, его страстной, кипучей и энергичной натурѣ пришлось много переиспытать, много передумать и перечувствовать. Эти драматическіе моменты изложены съ такою живостію и увлекательностію, что, при чтеніи „Испо-

вѣди“ даже и въ настоящее время, подѣ часъ испытываешь такое чувство, какъ будто это не сочиненіе, написанное 1500 лѣтъ тому назадъ, а современное произведеніе. Не даромъ Петрарка, котораго отнюдь нельзя упрекнуть въ особомъ пристрастіи къ христіанскимъ авторамъ, не однократно проливалъ слезы надъ „Исповѣдью“ и подражалъ ей; припомнимъ также извѣстныя Confessions Ж. Ж. Руссо, напоминающія Августина уже самымъ заглавіемъ.

Это, такъ сказать,—общечеловѣческое значеніе „Исповѣди“, но она важна также и какъ культурно-историческій источникъ. На примѣрѣ Августина мы можемъ наглядно созерцать языческое и христіанское міровоззрѣніе современной ему эпохи; знакомимся съ тѣми вліяніями, которыя оказывали на образованныхъ людей того времени манихейская ересь, являющаяся отзвукомъ восточнаго гностицизма, и языческая философія. Конечно, „Исповѣдь“ не лишена и недостатковъ. Такъ, откровенно исповѣдуюсь Богу и вмѣстѣ съ тѣмъ издавая эту „Исповѣдь“ для назиданія публики, авторъ указываетъ этимъ, что ему не чуждо столь далекое отъ истиннаго христіанства чувство извѣстнаго рода тщеславія и самодовольства. Затѣмъ, чтеніе „Исповѣди“ сильно затрудняется ея крайне изысканнымъ языкомъ, дающимъ возможность признать въ Августинѣ прежняго учителя риторики.

Основная идея трактата „О градѣ Божіемъ“, въ общемъ, напоминаетъ главную мысль „Исповѣди“. Если въ этомъ послѣднемъ произведеніи указывается на благое дѣйствіе провидѣнія въ отношеніи къ отдѣльной личности, направляющее ее отъ зла къ добру, то въ сочиненіи „О градѣ Божіемъ“ идея мудраго руководства промысла Божественнаго переносится на все человѣчество въ его историческомъ развитіи. Эта общая точка зрѣнія, съ которой разсматривается какъ паденіе римской имперіи и античной культуры вообще, такъ принципы и цѣли христіанства, дала поводъ еще Вольтеру назвать этотъ трактатъ историко-философскимъ; другіе болѣе правильно признаютъ сочиненіе богословско-историческимъ. Во всякомъ случаѣ значеніе идеи христіанства представлено въ трактатѣ столь широко и универсально, какъ никогда еще доселѣ, а это въ свою очередь не можетъ не свидѣтельствовать не только о выдающемся умѣ и начитан-

ности автора, но и объ его мощной и вдохновенной фантазии и гениальной способности къ обобщеніямъ. Трактатъ составлялся 14 лѣтъ (413—426 г.г.) и выросъ собственно на апологетико-полемической основѣ. Именно, когда готы, подъ предводительствомъ Алариха, напали въ 410 г. на Римъ и разграбили его, то это дало поводъ приверженцамъ прежняго культа приписать разрушеніе вѣчнаго города гнѣву языческихъ боговъ, которые были тогда почти всеми покинуты. Августинъ отвѣчаетъ на эти обвиненія въ первыхъ 10 книгахъ, изъ которыхъ 5 первыхъ обращены къ большой публикѣ (*imperiti*), а пять вторыхъ—къ философамъ-неоплатоникамъ, доктрины которыхъ тогда процвѣтали и которые не раздѣляли многихъ предразсудковъ толпы. Эта часть трактата важна съ точки зрѣнія исторіи культуры потому, что содержитъ драгоценныя свѣдѣнія объ языческой религіи, почерпнутыя изъ надежныхъ и нынѣ по большей части утраченныхъ первоисточниковъ. Что касается специально полемическаго характера труда, то здѣсь блаж. Августинъ является достойнымъ завершителемъ апологетической литературы: помимо убѣдительности, его возраженія отличаются благородствомъ тона и уваженіемъ къ славному прошлому Рима; во многихъ мѣстахъ чувствуется, какъ то, что авторъ опровергаетъ, нѣкогда было ему дорого. Вторая бóльшая часть (книги 11—22) содержитъ параллель грѣховнаго земного царства и возвышеннаго царства небеснаго; борьба между ними, замѣчаемая въ исторіи, должна окончиться полной побѣдой небеснаго царства Божія, по имени котораго названъ и весь трактатъ. Любопытно, что въ средніе вѣка богословы, особенно Тома Аквинатъ, старались придать понятію небеснаго царства реальное толкованіе, подразумѣвая подъ нимъ Церковь, и на этомъ основаніи возникло ученіе о папской теократіи и о признаніи существованія государствъ подъ необходимымъ условіемъ подчиненія ихъ Церкви.

Стиль трактата „О градѣ Божіемъ“ гораздо яснѣе и проще, чѣмъ въ „Исповѣди“. Но, кажется, для характеристики языка Августина слѣдуетъ прежде всего обратиться не къ его большимъ трактатамъ, гдѣ онъ все же работалъ подъ вліяніемъ языческихъ образцовъ, а къ его проповѣдямъ, въ которыхъ ему приходилось имѣть дѣло съ самыми разно-

образными темами, и гдѣ онъ долженъ былъ особенно заботиться о простотѣ и ясности изложенія; поэтому справедливо замѣчено, что стиль его проповѣдей есть одновременно стиль поэта, философа, ратора и грамматика. Изученіе языка проповѣдей блаж. Августина весьма важно и потому, что онъ однимъ изъ первыхъ высказалъ (въ своемъ трактатѣ *de doctrina Christiana*) много весьма цѣнныхъ и любопытныхъ замѣчаній касательно теоріи христіанской проповѣди. Конечно, отъ прежняго учителя риторики трудно ожидать особыхъ отступленій въ латинскихъ склоненіяхъ. Что касается синтаксиса, то здѣсь картина нѣсколько измѣняется. Именно, мы замѣчаемъ въ этой области много мелкихъ отступленій отъ классическаго языка, каждое изъ нихъ, — будь оно одно, — можетъ быть, и осталось бы вполне незамѣченнымъ, но, взятыя вмѣстѣ, они значительно мѣняютъ общій фонъ. Главною причиною этихъ отступленій служило, повидимому, стремленіе блаж. Августина къ большей ясности изложенія, согласно его замѣчанію: „Пусть лучше насъ порицаютъ грамматики, чѣмъ не понимаютъ народы“ (Толк. на псаломъ СXXXVIII, 20). Любопытно, что огромное большинство этихъ синтаксическихъ отступленій осталось навсегда въ романскихъ языкахъ. Такъ, весьма часто встрѣчается въ проповѣдяхъ замѣна сослагат. наклоненія изъявительнымъ, такъ какъ первое служило въ сущности только для болѣея утонченности мысли и, часто не являясь безусловною необходимостію, значительно сократило случаи своего употребленія въ новѣйшихъ языкахъ (особенно—въ англійскомъ). Къ области синтаксическихъ неправильностей относятся, далѣе, смѣшеніе значеніе *imperfectum* съ *plusquamper.*; ошибки противъ ученія о послѣдовательности временъ (*consecutio temporum*), частое употребленіе простого неопредѣленнаго наклоненія и вообще инфинитивныхъ конструкторій вмѣсто придаточныхъ предложеній цѣли, каковое употребленіе опять было легко воспринято романскими языками, и т. п. Въ употребленіи падежей и предлоговъ языкъ блаж. Августина не рѣдко сходится съ современнымъ французскимъ, напр., *osculum pacis* (*baizer de la paix*, цѣлованіе мира, т. е. приносящее миръ или въ знаменіе, въ запечатлѣніе мира); предлогъ *ad* совпадаетъ иногда съ франц. *à*, напр., *ad tene ad cor tuum* (а топ соеур); *de* имѣеть иногда раздѣлительный смыслъ,

напр., unus erat de septem diaconibus (de sept diacones); перъ начинаетъ пріобрѣтать то значеніе, которое онъ имѣетъ въ романскихъ языкахъ, напр., loquens per linguam (par la langue); вліяніемъ еврейскаго языка, охотно ставящаго существительныя вмѣсто нарѣчій, слѣдуетъ объяснять такія фразы, какъ hoc angelicum gaudium... *fide et spe et caritate meditemur*.

Что касается стиля Августина, то наиболѣе отличительнымъ, кажется, качествомъ его является изысканность, охотно позволяющая признать въ Августинѣ прежняго учителя риторики. Она проявляется прежде всего въ игрѣ словъ, болѣею частію довольно остроумной, напр., *distulit securim, dedit securitatem; habens in Deo sanctos amores et ideo bonos mores; caetera operant, non honorant*. Затѣмъ, не рѣдко замѣтно у блаж. Августина стремленіе произвести эффектъ, такъ сказать, игрою звуковъ, что достигается или повтореніемъ одного и того-же слова, или одновзвучіемъ, или аллитераціею, или риемой. Напр. въ пропов. XCIV, 3, на протяженіи 10 печатныхъ строкъ настоящей статьи, 25 разъ повторено слово *forte*; сюда же относятся такія фразы, какъ (CCCLXXXV, 3) *tenebantur, ligabantur, includebantur, producebantur, torquebantur, urebantur, lapidabantur, percutiebantur, bestiis subigebantur* или строго симметричный риемый періодъ (CCXIX, начало): *Vigilat iste, mentibus piis fervens et lucescens; vigilat ille, dentibus suis frendens et tabescens* и т. д. Изъ фигуръ рѣчи наиболѣе часто встрѣчаются у блаж. Августина антитеза (противоположеніе) и метафора. Примѣры для первой: *Qui? quem? Homines Deum, mortales immortalem, peccatores iustum, fragiles immobilem, factura fabrum* (XXXIV, 1); *Sidera regens, ubera lambens* (CLXXXVII, 1);—для второй: *aurum, pallorem terrae; argentum, livorem terrae; honorem, temporis fumum* (XIX, 5); *minuta sunt (peccata), non sunt magna. Non est bestia quasi leo, ut uno morsu guttur frangat; sed et plerumque bestiae minutae multae necant* (IX, 11); *praestate in vobis nidum sermoni* (XXXVII, 1.); *stillam temporis* (CCCLXII, 17). Въ ритмическихъ заключеніяхъ періодовъ (клаузулахъ) Августинъ, повидимому впервые, помимо количества слоговъ, принимаетъ въ расчетъ и удареніе.

За 10 лѣтъ до Августина (30-го сентября 420 г.) скончался третій наиболѣе видный представитель золотого вѣка латинской христіанской литературы, блаж. Иеронимъ, родившійся,

по всей вѣроятности, въ концѣ 40-хъ годовъ III столѣтія. Иеронимъ получилъ блестящее по тому времени образованіе въ Римѣ подъ руководствомъ извѣстнаго грамматика Тиберія Элія Доната. Уже выше было сказано о громадной заслугѣ Иеронима предъ западною церковью по переводу на латинскій языкъ Библии. Слѣдуетъ замѣтить, что къ этой гигантской работѣ, — помимо естественнаго желанія потрудиться во славу Божию и на пользу церкви, — Иеронимъ былъ подвигнутъ отчасти и своимъ блестящимъ образованіемъ. Онъ самъ рассказываетъ (письмо XXII, 1), что по принятіи христіанства, когда онъ со слезами оплакивалъ грѣхи своей юности, онъ все-же по прежнему искалъ развлеченія и утѣшенія въ любимыхъ языческихъ авторахъ, въ Цицеронѣ и Плавтѣ, и напрасно старался принудить себя къ чтенію Псалмовъ, „необработанный языкъ перевода которыхъ казался ему ужаснымъ“. Тогда, вѣроятно, въ душу Иеронима и должна была запасть первая мысль о такой переработкѣ слова Божія, которая могла бы привлечь къ нему людей образованныхъ. Сдѣлавшись впоследствии аскетомъ и основавъ монастырь въ Виелеемѣ, Иеронимъ едва ли не впервые устроилъ изъ своей обители убѣжище для занятій наукою и литературой. Этотъ фактъ имѣетъ огромную важность въ исторіи культуры, такъ какъ извѣстно, что въ смутныя времена ранняго средневѣковья образованность сохранилась почти исключительно потому, что нашла себѣ тихое и мирное пристанище за крѣпкими стѣнами монастырей. Иеронимъ былъ весьма плодовитымъ писателемъ, и многія изъ его произведеній имѣютъ значеніе не для однихъ только богослововъ. Таковы, прежде всего, письма, въ которыхъ ему приходилось высказываться по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Затѣмъ въ житіи св. Павла Фивейскаго Иеронимъ далъ одинъ изъ самыхъ первыхъ образчиковъ той отрасли литературы, которая нашла себѣ такое огромное распространеніе въ средніе вѣка, именно — христіанской легенды; далѣе въ сочиненіи *De viris illustribus* блаж. Иеронимъ представилъ впервые исторію христіанской литературы въ видѣ 135 краткихъ біографій, начиная съ Апостола Петра и кончая самимъ авторомъ трактата. Наконецъ, этотъ учитель Церкви исполнилъ переводъ хроники Евсевія и написалъ ея продолженіе. Эти сочиненія

высоко цѣнились въ средніе вѣка и повинѣ являются во многихъ случаяхъ единственнымъ источникомъ для многихъ фактовъ изъ политической и культурной исторіи древности. Что касается многочисленныхъ экзегетическихъ трудовъ этого учителя церкви, то о нихъ здѣсь можно замѣтить только то, что Іеронимъ въ значительной мѣрѣ ослабилъ аллегорическій способъ толкованія Свящ. Писанія и пытался поставить герменевтику на научную почву путемъ историческихъ, антикварныхъ и лингвистическихъ изслѣдованій.

Переходя къ разсмотрѣнію особенностей языка и стиля блаж. Іеронима, прежде всего слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ, въ видахъ большей ясности своего изложенія и по причинѣ извѣстнаго недостатка отвлеченныхъ терминовъ въ латинскомъ языкѣ, допустилъ значительное количество неологизмовъ. Согласно кропотливымъ изысканіямъ покойнаго дерптскаго ученаго Паукера, количество словъ, вновь образованныхъ Іеронимомъ, доходитъ до 350. Огромное число ихъ падаетъ на отглагольные существительныя на—іо и на—іог. Въ образованіи ихъ блаж. Іеронимъ безсознательно подчинился тому закону, слѣдствія котораго мы видимъ въ романскихъ языкахъ, гдѣ каждый глаголь способенъ дать начало существительному, означающему дѣйствіе. Что касается остального лексикографическаго запаса Іеронима, то добрая половина его должна совпасть съ языкомъ Цицерона; такого наблюденія нельзя сдѣлать не только касательно языка Тертуллиана, но даже и блаж. Августина. Въ области грамматики Іеронимъ, повидимому, зналъ все, что только можно было знать въ его время; этими знаніями онъ подчасъ даже щеголяетъ, такъ какъ охотно пускается въ разсужденія о родѣ, числѣ именъ, о склоненіи и формѣ глаголовъ. Эти разсужденія изобличаютъ въ немъ усерднаго ученика Доната, на котораго онъ любилъ ссылаться и пребываніемъ въ школѣ котораго гордился. Синтаксисъ блаж. Іеронима аналогиченъ съ тѣмъ, который встрѣчаемъ мы у писателей перваго вѣка имперіи, т. е. періода такъ наз. серебряной латыни. Этотъ синтаксисъ отличается гораздо большою свободой сравнительно съ Цицерономъ, такъ какъ допускаетъ и поэтическія конструкціи, и греческіе обороты. Кроме того, въ синтаксисъ Іеронима попало кое-что и изъ вульгарной латыни, согласно его замѣчанію (письмо LXIV,

11): „я хочу для легкости пониманія читателя пользоваться простонародною рѣчью“. Къ числу такихъ оборотовъ принадлежатъ тѣ явленія, которыя наблюдались нами раньше при разсмотрѣннн языка Итали и Вульгаты, напр., болѣе свободное употребленіе падежей, замѣна ихъ предлогами, иногда радикальное измѣненіе дополненія у нѣкоторыхъ глаголовъ, упрощеніе временъ сослагат. и неопред. наклоненій, замѣна сослагат. наклоненія изъявительнымъ, смѣшеніе причастія настоящаго съ герундивомъ и т. д. Кромѣ того, въ общемъ „синтетическая конструкція латинскаго языка уступаетъ мѣсто конструкціи аналитической, которая должна одержать верхъ въ новѣйшихъ языкахъ, вышедшихъ изъ простонародной латыни“ (*Гельцеръ*, Латынь Иеронима, стр. 32).—Въ стилѣ блаж. Иеронима прежде всего выдѣляются краткость и, такъ сказать, поспѣшность, съ которою онъ стремится набросать свои мысли. Затѣмъ очень часто онъ напоминаетъ Тертуллиана по силѣ выраженія, пламенному и блестящему краснорѣчію. Наконецъ, получивъ великолѣпное риторическое образованіе, блаж. Иеронимъ естественно стремился украсить свой слогъ, — особенно въ молодости, — разнообразными фигурами, остротами и игрою словъ. Онъ самъ признается, что охотно посѣщалъ трибуналы адвокатовъ и учился у нихъ искусству рѣчи, особенно умѣнью отвѣчать на возраженія противниковъ. Самому блаж. Иерониму приходилось полемизировать неоднократно, и, — надо сознаться, — эти его произведенія не принадлежатъ къ числу особенно удачныхъ, такъ какъ здѣсь проглядываютъ его раздражительность и вспыльчивость, иногда заходящая очень далеко. Поэтому, вѣроятно, Лютеръ и замѣтилъ какъ-то разъ въ одной изъ своихъ „застольныхъ рѣчей“, что изъ всѣхъ писателей церковныхъ не одинъ ни враждебенъ ему такъ, какъ Иеронимъ. И въ средніе вѣка, когда отъ писателя требовали прежде всего учености, блаж. Иерониму предпочитали блаж. Августина, великаго наставника въ вѣрѣ. Но понятно, что съ пробужденіемъ въ эпоху Возрожденія любви къ изящному латинскому стилю, значеніе Иеронима снова должно было подняться, и такой гуманистъ, какъ Эразмъ, ставилъ блаж. Иеронима не только выше всѣхъ церковныхъ писателей запада, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдавалъ ему даже первенство предъ Цицерономъ. И въ новое время охотно

читаютъ и переводятъ Иеронима, чему способствуетъ, между прочимъ, и та откровенность, съ которою онъ дѣлится съ читателемъ своими помышленіями и заставляетъ его переживать многія изъ своихъ тревогъ и сомнѣній, присущія всякой чуткой душѣ.

Къ перечисленнымъ столпамъ Западной Церкви приближается по чистотѣ и выразительности своего стиля еще одно лицо, которое можетъ быть упомянуто здѣсь-же, хотя оно жило нѣсколько позже. Я разумѣю папу *св. Льва Великаго*, занимавшаго римскій престолъ между 440—461 г.г. Изъ проповѣдей его особенно знаменита 82-я, произнесенная въ праздникъ свв. Апостоловъ Петра и Павла, гдѣ ораторъ торжественно изображаетъ величіе папскаго Рима, однимъ изъ истинныхъ основателей котораго былъ онъ самъ.

Къ концу IV-го вѣка,—параллельно съ развитіемъ прозы,—достигла значительныхъ успѣховъ и латинская христіанская поэзія, хотя наиболѣе цвѣтущій періодъ ея падаетъ на слѣдующее (V-е) столѣтіе. Прежде чѣмъ, однако, излагать судьбы христіанской поэзіи въ IV-мъ вѣкѣ, полезно будетъ рассмотретьъ исторію ея съ самаго возникновенія. Это хронологическое уклоненіе можетъ быть оправдано тѣмъ соображеніемъ, что до IV-го вѣка христіанская латинская поэзія находилась въ вполнѣ зачаточномъ состояніи. Главныхъ причинъ для этого были двѣ: 1) христіанство усвоилось въ началѣ въ Римѣ главнымъ образомъ людьми малограмотными и принадлежавшими къ низшимъ, наиболѣе занятымъ физическимъ трудомъ, классамъ населенія; какъ мы видѣли, въ началѣ также между римскими христіанами долгое время преобладалъ греческій языкъ; 2) тяжкія преслѣдованія, которыя долгое время испытывала римская церковь, естественно мѣшали ея приверженцамъ заниматься стихотворствомъ,—тѣмъ болѣе, что римляне издавна, въ силу политическихъ условій, смотрѣли на занятія поэзіей, какъ на пустую забаву. Поэтому, если среди христіанъ и находились лица, обладавшія литературнымъ талантомъ, то они примѣняли свой стиль для защиты исповѣдуемаго ученія противъ нападокъ язычниковъ. На основаніи сказаннаго понятно, что начала христіанской латинской поэзіи могутъ восходить только къ половинѣ IV вѣка, т. е. ко времени послѣ Миланскаго эдикта. Развивалась же эта поэзія двумя путями.

Во-первыхъ, она, какъ и всякая почти художественная поэзія, должна была начаться съ подражанія пышно разцвѣтшей къ тому времени поэзіи языческой, одною изъ главнѣйшихъ отраслей которой былъ эпосъ героическій и дидактическій. Первые шаги христіанъ въ этомъ направленіи облегчались тѣмъ, что и свою поэзію, подобно прозѣ, они начали съ полемики и апологетики. Такимъ образомъ имъ приходилось въ сущности пересказывать основы языческихъ мѣологическихъ вѣрованій, сопровождая этотъ пересказъ полемическими возраженіями. Затѣмъ, христіане пытаются, пользуясь главнымъ образомъ царемъ поэтовъ Виргилиемъ, составлять и собственный героическій эпосъ, для чего богатую тему давали жизнь, ученіе и дѣла Спасителя и его учениковъ, а въ послѣдствіи страданія св. мучениковъ. Иногда христіанскіе поэты просто брали отдѣльные гексаметры Виргилія или половины ихъ и составляли такимъ образомъ какъ бы изъ лоскутьевъ (отсюда и названіе этого рода поэзіи—„центонъ“, т. е. лоскутъ) героическія поэмы съ сюжетами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. вмѣстѣ съ тѣмъ христіане считали нужнымъ изложить въ стихотворной и удобной для запоминанія формѣ (напр., въ видѣ акростиховъ) и основы собственнаго ученія. Гексаметръ христіанской поэзіи скоро выработался въ своеобразную форму такъ наз. *versus leoninus*, т. е. стиха, гдѣ середина его рѣшуетъ съ концомъ (напр. *Paucis cura boni, plures ad crimina proxi*).

Другая сторона развитія христіанской поэзіи основана на силѣ религіознаго чувства. Несомнѣнно, что въ христіанской средѣ, съ самаго ея возникновенія, должны были раздаваться хвалебныя пѣсни во славу Божію. Если первоначально, по всей вѣроятности, такими хваленіями были псалмы, то уже у Ап. Павла (Ефес. V, 18—19. Кол. III, 16) наряду съ псалмами упоминаются также славословія и духовныя (*πνευματικά*, т. е. исходящія отъ Св. Духа) пѣснопѣнія. Въ этихъ послѣднихъ и надлежитъ видѣть начала второй отрасли христіанской латинской поэзіи—лирики. Само собою понятно, что она должна была возникнуть прежде на Востокѣ, откуда въ IV-мъ столѣтіи перенесена была въ Италію. Сперва эти гимны слагались художественнымъ размѣромъ (ямбическимъ диметромъ), но блаж. Августинъ впервые примѣнилъ для подобныхъ религіозныхъ пѣснопѣній метръ народной поэзіи

акаталектическій трохайческій тетраметръ). Въ позднѣйшее время излюбленнымъ размѣромъ гимновъ сталъ каталектическій трохайческій тетраметръ, при построении котораго все болѣе и болѣе пренебрегали количествомъ, или разлагали этотъ тетраметръ на двѣ половины, которыя рифмуются между собою, или рифмовали первую половину перваго стиха съ первой половиной втораго, равно какъ и заключительныя части обоихъ стиховъ. Во всякомъ случаѣ рифма является исконною принадлежностью извѣстной намъ христіанской латинской лирики. Въ гимны рифма перешла, по всей вѣроятности, изъ прозы проповѣдей, которая была близка по содержанію къ гимнамъ; въ проповѣднической-же прозѣ рифма примѣнялась, какъ и въ языческой литературѣ, въ качествѣ фигуры подобоокончанія (*homoioteleuton*), для того, чтобы обратить особое вниманіе на то или другое мѣсто. Изъ христіанской латинской лирики рифма около IX вѣка перешла и въ новые языки, гдѣ она нашла богатое и разностороннее примѣненіе. Что касается содержанія христіанской лирики, то отъ напоминающаго псалмы восхваленія Бога и Христа вообще она перешла къ прославленію всемогущества и благости Божіей и къ приглашенію вѣрующихъ воздать благодарность Богу. Затѣмъ въ лирической формѣ стали передаваться и отдѣльныя событія изъ жизни Христа. Еще дальше пошелъ *Пруденцій*, который сталъ излагать въ лирической формѣ и отдѣльныя части Ветхаго и Новаго Заветъа, а впоследствии, съ возникновеніемъ литургически-законченнаго культа святыхъ, у этого-же поэта находимъ мы описаніе лирическими размѣрами страданій свв. мучениковъ. Такимъ образомъ можно видѣть, какъ мало по малу оба элемента христіанской латинской поэзіи,—какъ эпическій, такъ и лирическій,—сливаются по содержанію въ одно цѣлое.

Однимъ изъ первыхъ латинскихъ христіанскихъ поэтовъ былъ *Коммодіанъ*. Ни время его жизни, ни обстоятельства ея, ни происхожденіе его неизвѣстны ¹⁾. Судя по общему по-

¹⁾ Уже послѣ написанія настоящей работы появилась интересная книга Брера (Heinrich Brewer, S. I. Kommodian von Gaza, Ein Arelatensischer Laiendichter aus der Mitte des fünften Jahrhunderts. Paderborn. 1906), относящая время жизни Коммодіана къ срединѣ V-го вѣка. Авторъ не считаетъ одного особо необходимымъ торопиться съ внесеніемъ выводовъ Брера въ свое изслѣдованіе.

учительному тону его произведеній, можно предполагать, что онъ занималъ немаловажную должность въ духовной іерархіи, можетъ быть, даже епископа, съ чѣмъ согласуется подпись въ одной рукописи приписываемаго всѣми Коммодіану *Carmen apologeticum*, гдѣ стоитъ *Tractatus sancti episcopi*, но самое имя этого епископа стерлось отъ времени. Кромѣ *Carmen apologeticum*, Коммодіану принадлежитъ сборникъ „Наставленій“ (*Instructiones*). Въ обоихъ произведеніяхъ Коммодіанъ ратуетъ главнымъ образомъ противъ язычниковъ и іудеевъ, стараясь опровергнуть ихъ религіозныя представленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая, въ первой книгѣ „Наставленій“, на краткость нашей жизни, авторъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что человѣкъ долженъ заблаговременно стремиться къ познанію божественнаго. Во второй-же части „Наставленій“ Коммодіанъ пытается, руководствуясь Библіей, изобразить основы христіанской морали. Оригиналномъ для него въ данномъ отношеніи служилъ, повидимому, аналогичный языческій памятникъ, извѣстный подъ названіемъ *Disticha Catonis*. Для большаго удобства запоминанія, „Наставленія“ изложены въ видѣ акростиховъ. Судя по всему, Коммодіанъ былъ убѣжденнымъ христіаниномъ, не допускавшимъ никакихъ уступокъ и послабленій отъ исповѣдуемой имъ вѣры. Въ стихотвореніяхъ его проглядываетъ основательное знакомство съ Библіей, но очень мало поэтическаго таланта. Наибольшимъ одушевленіемъ отличаются тѣ мѣста, гдѣ говорится о концѣ міра; здѣсь не рѣдко замѣтны признаки истинной поэзіи. Насколько мало интересно въ общемъ содержаніе стихотвореній Коммодіана, настолько-же любопытна ихъ внѣшняя форма. Имѣя прежде всего въ виду мало образованную массу, Коммодіанъ старается писать и языкомъ, возможно близкимъ къ народному и вульгарному. Поэтому у него нерѣдко замѣчается смѣшеніе склоненій, напр. *de Persida* (вмѣсто—e) *homo, flato* вмѣсто *flatui, nuntia* вмѣсто *nuntii, paupera mulier* и т. п.; въ спряженіи также встрѣчаются чудовищныя формы, напр., *capebat* (вмѣсто *cariebat*), *fugire, venibunt, mereunt, tremebunt, consulete* и т. п.; сильно страдаетъ, наконецъ, и орѳографія. Но еще болѣе любопытна метрическая форма произведеній Коммодіана. Это—такъ называемый ритмическій гекзаметръ, въ которомъ метръ, т. е. группировка долгихъ и краткихъ слоговъ, за-

мѣненъ ритмомъ, или чередованіемъ сильныхъ и слабыхъ темповъ, какъ это наблюдается и въ новѣйшихъ языкахъ. Поэтому дактили и спондеи Коммодіана являются таковыми только по внѣшности, такъ какъ онъ совершенно почти пренебрегаетъ количествомъ и не обращаетъ вниманія на такъ наз. „зіяніе“, или стеченіе гласныхъ (hiatus). Наряду съ этимъ сохранена главная цезура гекзаметра, дѣлящая стихъ на двѣ половины, которыя иногда рѣжутся между собою. Правильныхъ въ метрическомъ отношеніи стиховъ у Коммодіана можно насчитать немного болѣе 60, тогда какъ общее количество его стиховъ доходитъ до 2.300. О метрикѣ Коммодіана невыгодно отзывались уже древніе; такъ, Геннадій массилійскій (марсельскій) называетъ ее только „какъ бы стихами“ (*De viris illustribus*, cap. XV: *scripsit mediocri sermone quasi versu Adversus paganos*); если-же къ этому добавить, что папа Геласій отнесъ Коммодіана въ 496 г. въ число запрещенныхъ писателей, то станетъ понятнымъ, что его поэзія не оказала никакого вліянія на послѣдующія поколѣнія.

Гораздо болѣею чистотой языка и стиха въ сравненіи съ Коммодіаномъ отличается испанскій пресвитеръ *Гайй Веттій Аквилинъ Ювенкъ*, составившій около 330 г. стихотворное переложеніе Евангелія въ 4-хъ книгахъ (*Libri Evangeliorum IV*). Трактатъ Ювенка, повидимому, является первою попыткой со стороны христіанства вытѣснить языческій мифологическій эпосъ собственнымъ религіознымъ. Матеріалъ для своей поэмы Ювенкъ заимствовалъ главнымъ образомъ изъ перваго Евангелія съ нѣкоторыми дополненіями по третьему и четвертому. Что же касается средствъ къ изображенію своей темы, то тутъ Ювенкъ стоитъ всецѣло на почвѣ античной поэзіи, главнымъ образомъ *Виргилія*. Усерднымъ изученіемъ послѣдняго Ювенкъ обязанъ тому, что съ одной стороны избѣгаетъ грубыхъ просодическихъ ошибокъ, хотя въ общемъ онѣ не составляютъ у него особой рѣдкости, а съ другой—отличается значительною простотой языка, что является рѣзкимъ контрастомъ къ господствовавшей тогда риторичности и напыщенности, особенно въ прозаическихъ произведеніяхъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что въ языкѣ Ювенка замѣчается нѣсколько неологизмовъ, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ стали затѣмъ общимъ достояніемъ христіанской поэзіи, напр., *ами-*

color, altithronus, flammipes, flammicomus и др.; впервые также Ювенкъ ввелъ въ христіанскую поэзію обозначеніе Бога языческимъ эпитетомъ tonans (громовержець).

Кромѣ того, отъ первоначальнаго періода латинской христіанской поэзіи сохранилось нѣсколько мелкихъ произведеній, наибольшаго вниманія между которыми заслуживаетъ поэма „О птицѣ фениксѣ“, нынѣ почти единогласно приписываемая, по свидѣтельству рукописнаго преданія, *Лактанцію*. Поэма эта особенно любопытна, какъ образецъ обработки христіанскимъ писателемъ языческаго сюжета. Сравнительно съ языческими версіями здѣсь имѣется совершенно новая мысль, что главное достоинство феникса заключается въ его дѣвственности, сильно также подчеркивается добровольная смерть птицы и ея воскресеніе. Все это позволяетъ видѣть въ поэмѣ типичный образецъ христіанской символики.

Наиболѣе видною представительницей „центонной“ поэзіи является писательница *Проба*, жившая въ Галліи въ началѣ IV вѣка. Она пересказала стихами *Виргилія* исторію какъ *Ветхаго*, такъ и *Новаго Заветъ*. Конечно, въ виду крайней трудности работы, въ переложеніи *Пробы* встрѣчается много пробѣловъ и непонятнаго. Такъ, поэтессѣ пришлось почти совершенно избѣгать собственныхъ именъ: въ *Ветхомъ Заветѣ* встрѣчается только названіе *Египеть*, да и то одинъ разъ, а въ повѣствованіи о жизни *Христа* нѣтъ ни одного собственнаго имени. Этотъ недостатокъ *Проба* пыталась возмѣстить значительнымъ риторическимъ колоритомъ. Въ цѣломъ, передѣлка вышла настолько неудачною, что папа *Геласій* положилъ на нее запретъ. *Просодія* центона въ общемъ очень слаба; особенно часто допускаются зіяніе и удлиненіе краткаго слога въ *арсисѣ*—общій недостатокъ того времени; замѣтно также частое примѣненіе *риѣмъ*. Нѣсколько другихъ центоновъ сохранилось безъ имени автора, и—судя по общему характеру этой поэзіи,—ихъ трудно приурочить къ опредѣленному времени. Наибольшую живостію отличается стихотвореніе о церкви (de ecclesia), вводящее читателя въ среду христіанской жизни первыхъ временъ, именно: здѣсь изображаются храмъ, божественная служба, проповѣдь и вечеря любви. И у этого центона *просодія* очень не совершенна.

Обратимся теперь къ латинской христіанской лирикѣ—къ церковнымъ гимнамъ. Само собою понятно, что эта отрасль стихотвореній являетъ собою христіанскую поэзію въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ первая, такъ какъ библейскій эпосъ налагалъ на пѣвцовъ его тяжелые путы, а передъ лирикомъ раскрывалось широкое и необъятное поприще духовной жизни христіанина и его вѣрованій. Латинской поэзіи гимны были усвоены *Иларіемъ, епископомъ пиктавійскимъ* (Пиктавія—нынѣ Пуатьэ), который заимствовалъ ихъ у Восточной Церкви. Съ пѣніемъ гимновъ въ восточныхъ церквахъ Иларій могъ познакомиться во время своего изгнанія императоромъ Констанціемъ во Фригію (въ 356 г.). Достоверно принадлежащихъ Иларію гимновъ почти не сохранилось, откуда можно заключить, что его дѣятельность на этомъ поприщѣ не имѣла особаго успѣха. Замѣчу кстати, что гораздо болѣе почтенна была прозаическая дѣятельность Иларія, хотя она ограничивается исключительно-экзегетическими трактатами, не имѣющими никакого общелитературнаго значенія. При описаніи преслѣдованія ересей рѣчь его отличается высокимъ подъемомъ и вдохновенностью, а, когда онъ излагаетъ спокойно, то составляетъ мастерскіе періоды въ цicerоновскомъ стилѣ. Если оставить въ сторонѣ несовершенную попытку Иларія, то первымъ, кто внесъ гимны въ обиходъ церковныхъ службъ, является *св. Амвросій медіоланскій*, который вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ составилъ нѣсколько подобныхъ пѣснопѣній. Причины, побудившія Амвросія рѣшиться на такое нововведеніе, были, какъ замѣчено уже выше, чисто практическія. Именно: Амвросій усмотрѣлъ, что Аріане съ успѣхомъ примѣняли общественное пѣніе при своихъ богослуженіяхъ и такимъ образомъ популяризировали и распространяли свое ученіе. Для противоудѣйствія еретикамъ Амвросій и ввелъ гимны въ обиходъ церковныхъ службъ. Блаж. Августинъ свидѣтельству-етъ, что Амвросій составилъ 4 гимна; изысканія новѣйшихъ ученыхъ показываютъ, что число это можетъ быть нѣсколько увеличено, но во всякомъ случаѣ Амвросію не принадлежитъ знаменитая церковная пѣснь „Тебе, Бога, хвалимъ“ (Te Deum laudamus), хотя она обыкновенно ему приписывается (нынѣ этотъ гимнъ многими усваивается епископу ремезіанскому Никитѣ, † 431 г., о которомъ упоминается и ниже; см.

у проф. *И. И. Лепорскаго*, Исторія Θεσσαλονικскаго экзархата до времени его присоединенія къ Константинопольскому патриархату, Спб. 1901, стр. 336 слл. и Prof *Ferd. Kattenbusch* въ „Theologische Literaturzeitung“ 1901, 7, Sp. 193—194). Несомнѣнно принадлежащія Амвросію 4 гимна всѣ написаны ямбическими диметрами, соединенными въ 4 строфы, и имѣютъ каждый по 32 стиха. Этотъ ямбическій диметръ во время Амвросія былъ въ литературѣ размѣромъ моднымъ и соблюдался епископомъ съ необыкновенною тщательностью; законъ количества слоговъ сохраненъ повсюду, и спондеи допущены только на нечетныхъ мѣстахъ; „зіяніе“ вездѣ избѣгается. По содержанію болѣе удачными гимнами признаются два первые, составленные на первый и второй часы. Отличительнымъ качествомъ пѣснопѣній Амвросія являются прежде всего благородство мысли, простота и ясность, но имъ не хватаетъ той нѣжной прелести, которою отличаются произведенія позднѣйшей гимники.

Какъ упомянуто уже выше, область христіанской лирики подверглась значительному расширенію въ лицѣ *Пруденція* († около 410 г.). Его гимны, подъ заглавіемъ *Cathemerinon* (на каждый часъ дня), хотя и напоминаютъ по трезвому и сдержанному вдохновенію произведенія св. Амвросія, но отличаются отъ нихъ болѣе значительнымъ объемомъ и отнюдь не предназначались авторомъ для богослуженія. Такимъ образомъ Пруденцій отрѣшилъ этотъ родъ поэзіи отъ церковной службы и сдѣлалъ его достояніемъ образованныхъ читателей. Одною изъ отличительныхъ особенностей гимники Пруденція является, далѣе, быстрый, часто почти неуловимый переходъ отъ одной мысли къ другой, такъ что нѣкоторые историки литературы указываютъ, что Пруденцій напоминаетъ въ этомъ отношеніи Пиндара. Другая характерная черта гимновъ Пруденція—чрезмѣрное развитіе символизма, при чемъ образъ весьма тѣсно сливается со своимъ символомъ. Затѣмъ Пруденцій написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній о страданіяхъ святыхъ. Этотъ сборникъ называется *peristephanon* (о вѣнцахъ мучениковъ) и представляетъ собою какъ по разнообразію размѣровъ, такъ и по характеру содержанія явленіе исключительное въ христіанской литературѣ. Интересно, между прочимъ, что въ этомъ произведеніи сказываются черты національнаго

(испанскаго) происхожденія Пруденція; именно, подобно испанцамъ Сенекѣ и Лукану, онъ охотно останавливается на изображеніи самыхъ утонченныхъ мученій, что впоследствии является и однимъ изъ отличительныхъ признаковъ испанской живописи (припомнимъ, напр., извѣстнаго Рибейру). Сочетовая повѣтствовательный элементъ съ лирическимъ, Пруденцій является какъ-бы творцомъ баллады, и нѣкоторыя изъ его лироэпическихъ произведеній (какъ, напр., легенда о св. Лаврентіи), отличаясь крайнею живостью выраженія и даже нѣкоторымъ юморомъ, оказали не малое вліяніе на народную поэзію средневѣковья. По крайней мѣрѣ, древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ сѣверно-французскихъ стихотвореній прославляетъ св. Евлаію, страданія которой рассказаны и Пруденціемъ. За выдающіяся качества лирическихъ произведеній Пруденція старинные историки литературы называли его христіанскимъ Горациемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и христіанскимъ Лукреціемъ, такъ какъ создалъ также дидактической христіанскій эпосъ. Наиболѣе замѣчательною изъ его поэмъ является *Psychomachia*—изображеніе борьбы античныхъ пороковъ съ христіанскими добродѣтелями изъ за челоуѣческой души. Это первый примѣръ аллегорическаго эпоса, нашедшаго себѣ такое широкое примѣненіе въ литературѣ средневѣковья. И сама „*Psychomachia*“ была одною изъ излюбленныхъ книгъ средневѣковыхъ читателей вплоть до „Божественной Комедіи“ Данте.

И въ области расширенія поэтическаго языка Пруденцій былъ такъ же плодovitъ, какъ и въ своей литературной дѣятельности вообще. Онъ создалъ нѣсколько новыхъ эпитетовъ для Бога и Христа, каковы: *crucifer*, *cunctipotens*, *lucisator*, *verbigena* и др., цѣлый рядъ новыхъ словъ, особенно прилагательныхъ на—*alis* и—*ilis*, напр., *bustualis*, *carnalis*, *convertibilis*, *formidabilis* и т. д. Затѣмъ, характерную особенность языка Пруденція составляетъ частое примѣненіе словъ съ суффиксами: *amen*, *imen* и *umen*, а также *trix* (последнія для обозначенія олицетворенныхъ добродѣтелей и пороковъ)— всѣ эти слова цѣликомъ перешли въ средневѣковую латынь. Къ особенностямъ стиля принадлежитъ часто встрѣчающееся накопленіе поставленныхъ рядомъ другъ съ другомъ безъ всякаго союза понятій; не рѣдка также игра словъ. Просодія Пруденція въ общемъ оставляетъ желать многого срав-

нительно съ классическими образцами: часто замѣтны у него удлиненіе короткаго слога въ повышеніи стопы и укороченіе долгаго въ ея пониженіи; неправильная просодія иностранныхъ словъ (особенно *idblum*), затѣмъ весьма нерѣдко конечный краткій слогъ удлиняется подѣ влияніемъ сочетанія согласныхъ *cl, cr, fl, fr, gl, pl, pr, se* и т. п., начинающихъ слѣдующее слово (въ данномъ случаѣ Пруденцій слѣдуетъ, впрочемъ, примѣру Ювенка).

Съ Пруденціемъ сопоставляютъ обыкновенно другого выдающагося христіанскаго поэта, св. *Павлина Милостиваго*, называемаго часто по мѣсту его епископскаго служенія *Павлиномъ нольскимъ (ноланскимъ)* въ отличіе отъ другихъ одноименныхъ святыхъ Павлина миланскаго, пеллейскаго и изъ Перигё (*Perigoux*). Св. Павлинъ (353—431 г.г.) былъ младшимъ современникомъ Пруденція, но если принять во вниманіе, что Пруденцій выступилъ на писательское поприще сравнительно поздно, то хронологическая разница между обоими поэтами должна значительно сгладиться. Выше сказано было, что на талантъ Пруденція оказало извѣстное влияніе его испанское происхожденіе; то же приходится упомянуть и о св. Павлинѣ, который былъ родомъ изъ Галліи. Насколько краски Пруденція ярче и пестрѣе, настолько же у Павлина онѣ нѣжнѣе и мягче; замѣтно, что онъ умышленно старался воздержаться отъ особой манерности и напыщенности. Разнятся также оба поэта въ отношеніи къ христіанству. Пруденцій смотритъ на него болѣе теоретически и стремится въ дидактическихъ поэмахъ проникнуть въ его догматы, тогда какъ взглядъ св. Павлина въ этомъ отношеніи болѣе практическій, и онъ, видимо, хочетъ проводить аскетическія идеи. Съ этой практической точки зрѣнія св. Павлинъ смотрѣлъ и на свою литературную дѣятельность, именно: онъ предъявлялъ къ поэтамъ прямое требованіе отказаться отъ трактованія мифологическихъ сюжетовъ и обратиться къ христіанскому дидактическому эпосу, хотя самъ страннымъ образомъ не писалъ его. Но онъ ввелъ въ область христіанской поэзіи другія новыя формы. Такова прежде всего стихотворная парафраза псалмовъ—родъ литературы, который не прекращается и до сихъ поръ; затѣмъ—впервые также св. Павлинъ пишетъ христіанское привѣтствіе по случаю брака, такъ наз. „Эпиталамій“.

Этотъ родъ поэзіи отличался въ языческой литературѣ чувственностію и распущенностію; у св. Павлина, въ замѣнъ этого, выдвигаются требованіе цѣломудрія и возможное одолѣніе плотскихъ желаній, при чемъ авторъ ссылается на таинственный бракъ Христа и Церкви. Другія стихотворенія Павлина интересны въ культурно-историческомъ отношеніи; такова, напр., его ода въ честь высоко уважаемаго имъ Никиты, епископа г. Ремезіаны (въ Средиземной Дакии, нынѣ крѣпость Ак-Паланка, серб. Бела-Паланка, † 431 г.) и его плодотворной проповѣднической дѣятельности среди гетовъ, бессовъ и скивовъ. По мѣткому замѣчанію Эберта (Исторія средневѣковой лат. литературы, I ч., стр. 306), мы научаемся отсюда, что романизация шла рука-объ-руку съ христіанствомъ. Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ на день рожденія св. Феликса Павлинъ даетъ рядъ любопытныхъ бытовыхъ картинокъ изъ жизни тогдашней Италіи, преимущественно набожности ея поселянъ, хотя въ этихъ произведеніяхъ особенно ярко выступаетъ и главный недостатокъ Павлина,—его чрезмѣрное многословіе. Но особенно любопытна стихотворная переписка Павлина съ его бывшимъ учителемъ риторики Авзоніемъ, такъ какъ изъ нея мы знакомимся съ тѣмъ переломомъ, которой произошелъ въ душѣ Павлина и заставилъ его отказаться отъ блестящей служебной карьеры для скромной христіанской жизни. Замѣчу кстати, что только-что упомянутый *Авзоній* былъ очень плодовитымъ писателемъ и даровитымъ профессоромъ краснорѣчія въ бордосской школѣ, но онъ не войдетъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія, такъ какъ, если теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что онъ былъ христіаниномъ, то съ другой стороны сразу можно видѣть, что въ его произведеніяхъ истиннохристіанскій элементъ совершенно отсутствуетъ. Языкъ Авзонія также не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ всецѣло основанъ на подражаніи классическимъ писателямъ. Въ отношеніи языка и метрики Авзоній оказалъ сильное вліяніе и на своего ученика, св. Павлина. Поэтому у него не замѣчается стремленія къ образованію новыхъ словъ (исключая, можетъ быть, нѣкоторыя прилагательныя, возникшія путемъ сложенія). Стихи его, въ общемъ, носятъ классическій отпечатокъ, представляя весьма немногія ошибки противъ просодіи и метрики, но за-то у него замѣтна силь-

ная склонность къ рифмѣ. По примѣру Авзонія, у св. Павлина не рѣдко встрѣчается полиметрия, т. е. соединеніе нѣсколькихъ метровъ въ одномъ и томъ же стихотвореніи.

Пруденціемъ и Павлиномъ почти завершается плеяда наиболѣе видныхъ и славныхъ дѣятелей Западной Церкви. Послѣдующіе писатели являются, въ общемъ, только продолжателями ихъ дѣла и подражателями. вмѣстѣ съ тѣмъ къ V-му вѣку почти заканчивается развитіе латинскаго церковнаго языка, который у послѣдующихъ писателей подвергается скорѣе одному ухудшенію. Конечно, съ филологической точки зрѣнія изученіе писателей и послѣдующихъ вѣковъ столь-же интересно, какъ и предыдущихъ, такъ какъ въ это время въ латынь все сильнѣе и сильнѣе вторгаются туземные элементы, и процессъ возникновенія такъ наз. романскихъ языковъ становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Во всякомъ случаѣ послѣдующіе писатели будутъ рассмотрѣны нами въ общемъ по возможности кратко; исключеніе будетъ сдѣлано только для тѣхъ, которые болѣе интересны съ точки зрѣнія исторіи культуры, или способъ выраженія которыхъ представляетъ болѣе разительныя стадіи въ развитіи производныхъ отъ латинскаго языковъ. Съ самаго начала V столѣтія замѣчается все болѣе и болѣе усиливающійся интересъ къ исторической литературѣ, толчокъ къ чему, несомнѣнно, дали трактатъ Августина „О градѣ Божіемъ“ и „Хроника“ блаж. Иеронима. Такъ, испанскій пресвитеръ *Орозій* развилъ въ своемъ историческомъ трудѣ *Historiarum adversus paganos libri VII* (написанномъ около 417 — 418 г.г.) мысль блаж. Августина, что римляне и ихъ держава испытывали разнаго рода бѣдствія и несчастія до появленія христіанства нисколько не меньше, чѣмъ послѣ него. Трудъ *Орозія* интересенъ, какъ первый опытъ всемірной исторіи, написанный съ христіанской точки зрѣнія. Въ противоположность націонализму языческихъ историковъ *Орозій* проводитъ ту мысль, что все, что происходитъ, совершается исключительно по волѣ единого Бога. Поэтому схема труда, въ соотвѣтствіи съ видѣніемъ Навуходоносора (прор. Даніила гл. II), представляется въ видѣ исторіи 4 монархій: вавилонской, персидской, македонской и римской. Эта идея о 4 мировыхъ монархіяхъ удержалась во все время средневѣковья. Стилъ *Орозія* очень не равномеренъ, такъ какъ ав-

торъ слѣдовалъ разнымъ источникамъ, большую часть которыхъ онъ прямо экцерпировалъ. Многие изъ этихъ источниковъ не дошли до насъ непосредственно.

Работа Орозія затмила несовершенную, хотя и болѣе раннюю попытку *Сульпиція Севера*, составившаго въ самомъ началѣ V вѣка (около 403 г.) *Chronica* (прежде неправильно *Historia Sacra*), или краткую исторію іудейско-христіанской общины. Сульпицій Северъ всецѣло придерживается въ своемъ изложеніи языческой національной точки зрѣнія, рассматривая христіанъ, какъ преемниковъ іудеевъ. Стиль Севера, въ общемъ, можетъ быть названъ даже изящнымъ и напоминаетъ Тацита и Саллюстія, особенно послѣдняго. Кромѣ „Хроники“, этому же автору принадлежатъ весьма распространенные въ средніе вѣка „Жизнь св. Мартина“ и „Диалоги“, посвященные тому же святому.

Продолжателями хроники блаж. Іеронима были *Просперъ аквитанскій* (доведшій изложеніе до 455 г.), епископъ *Идацій*, продолжившій хронику до 467 г., и комитъ *Марцеллинъ* (*Marcellinus comes*), рассказавшій событія до 534 г. Историко-литературный трудъ Іеронима также нашель себѣ продолжателя въ лицѣ *Геннадія массилійскаго* (*марсельскаго*), сочиненіе котораго носило одинаковое съ Іеронимомъ заглавіе *De viris illustribus*. Всѣ эти трактаты цѣнны исключительно по тѣмъ фактическимъ свѣдѣніямъ, которыя они даютъ; правда, изложеніе носитъ вездѣ чисто субъективный характеръ. Съ точки зрѣнія языка они нисколько не интересны. Изъ отдѣльныхъ историческихъ монографій V вѣка особенно выдается трудъ епископа города *Виты*, *Виктора*, о гоненіяхъ на христіанъ въ Африкѣ (*Historia persecutionis Africanae provinciae*, написана около 486 г.). Работа эта особенно интересна потому, что авторъ рассказываетъ преимущественно только то, что самъ видѣлъ и испыталъ. Стиль сочиненія въ общемъ простъ, но далеко не правиленъ; живостію изложенія Викторъ напоминаетъ разсмотрѣнный ранѣе аналогичный трактатъ Лактанція. Къ разряду историческихъ трудовъ надо отнести и описанія путешествій въ св. Землю; болѣе интересное изъ нихъ, приписываемое обыкновенно знатной женщинѣ *Сильвіи аквитанской*, появилось, впрочемъ, еще въ концѣ IV вѣка. Помимо важности значенія для церковной археологін, описаніе Сильвіи весьма любопытно и по своему

языку, такъ какъ, повидимому, оно написано разговорною рѣчью, которою пользовалось современное паломницъ высшее общество Галліи.

Вліяніе блаж. Іеронима сказалось и на распространеніи тѣсно примыкающихъ къ разсмотрѣнной литературѣ житій святыхъ. Наиболѣе замѣтны въ этомъ отношеніи жизнь св. Омората, написанная его преемникомъ по епископству *Иларіемъ арелатскимъ* или *арльскимъ* (въ самомъ концѣ V в.), и жизнь св. Северина, составленная *пресвитеромъ Египтіемъ* въ 511 г. Наибольшого же развитія изъ отраслей прозаической литературы V вѣка достигла христіанская философія, самыми видными представителями которой являются *Сальвіанъ*, *Клавдій (Клавдіанъ) Мамертъ* и *Бозтій*. Сюда-же, по однородности занятій, причислимъ и жившаго нѣсколько позже извѣстнаго сенатора *Кассіодора*. Трактатъ Сальвіана „Объ управленіи Бога“ (*De gubernatione Dei*), написанный въ серединѣ V вѣка, представляетъ отвѣтъ на жалобы тѣхъ, которые отрицали существованіе божественнаго провидѣнія въ мірѣ, потому что на этомъ свѣтѣ зачастую людямъ хорошимъ живется дурно, а худымъ—хорошо. Сочиненіе отличается значительною расплывчатостію изложенія, происходящею отчасти отъ обилія матеріала. Стилъ трактата напоминаетъ Иларія и Лактанція; несомнѣнно также, что Сальвіанъ зналъ и изучалъ Цицерона. Клавдій Мамертъ извѣстенъ особенно своимъ сочиненіемъ „О состояніи души“ (*De statu animae*, написано около 470 г.), гдѣ онъ стремится доказать безтѣлесность души. Стилъ Клавдія выгодно отличается отъ латыни его галльскихъ земляковъ Сидонія и Эннодія (см. ниже) отсутствіемъ напыщенности и манерности; по живости изложенія трактатъ напоминаетъ діалоги блаж. Августина, несомнѣнно оказавшаго значительное вліяніе на Клавдія Мамерта. Изъ трудовъ Бозтія († 524 г.) особенно знаменитъ его трактатъ, написанный въ темницѣ, „Объ утѣшеніи, приносимомъ философіею“ (*De consolatione philosophiae*), много способствовавшей сліянію христіанства съ эллинизмомъ и пользовавшейся огромною извѣстностію въ средніе вѣка. Собственно христіанско-богословскій элементъ у Бозтія почти совершенно отсутствуетъ, почему знаменитый Тома Аквинатъ счелъ нужнымъ снабдить его трактатъ своими богословскими комментаріями. Стилъ Бозтія напоми-

наеть лучшія времена римской литературы и очень близокъ къ Цицерону, такъ что въ этомъ отношеніи сочиненіе его является какъ бы стоящимъ внѣ времени. Дѣятельность Кассіодора († около 575 г.), въ противоположность теоретику Бозтію, отличается скорѣе практическимъ направленіемъ и энциклопедичностью. Изъ многочисленныхъ сочиненій Кассіодора наиболѣе христіанскій характеръ,—кромѣ спеціальнаго толкованія на псалмы,—носятъ *Institutiones divinarum et humanarum litterarum*, представляющія энциклопедію тогдашней учености и имѣющія въ виду главнымъ образомъ духовенство. Первая книга этого труда есть введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, центромъ которыхъ, по мнѣнію Кассіодора, служить изученіе Свящ. Писанія. Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ жалуется, между прочимъ, на отсутствіе на Западѣ высшей богословской школы, учрежденіе которой задержано было войнами. Удалившись подъ конецъ жизни въ монастырь, Кассіодоръ явился дѣятельнымъ организаторомъ ивоческой жизни. Взявъ за образецъ уставъ Бенедикта нурсійскаго (*regula S. Benedicti*), Кассіодоръ дополнилъ его тѣмъ требованіемъ, что монастырь долженъ заботиться о поддержаніи и распространеніи просвѣщенія. Такимъ образомъ все важное значеніе, которое имѣлъ и имѣетъ бенедиктинскій орденъ для науки и культуры, получено имъ благодаря почину Кассіодора.

Переходя къ разсмотрѣнію поэзіи V вѣка, слѣдуетъ прежде всего сдѣлать ту оговорку, что нѣкоторые изъ поэтовъ были въ то время и прозаиками, почему и въ настоящемъ отдѣлѣ неизбежно придется коснуться исторіи прозы. Уже выше было сказано, что V вѣкъ является блестящимъ періодомъ для развитія христіанской латинской поэзіи. И причины этого вполне понятны. Если въ III вѣкѣ христіанству приходилось защищаться отъ язычества и съ этою цѣлью усиленно выдвигать прозаическую апологетико-полемическую литературу, то въ IV в., со времени Константина и Феодосія, господство религіи можно было считать упроченнымъ, и ученіе Христово нуждалось только въ прославленіи, а наиболѣе подходящимъ средствомъ для этого являлась поэзія. Развитію ея не могло не способствовать также появленіе общепонятнаго перевода Библии, исполненнаго мѣстами вдохновенно поэтическимъ стилемъ. Наряду съ этимъ скрѣпи и

бѣдствія, которыми сопровождалось переселеніе народовъ, внушали чувствительнымъ людямъ стремленіе излить въ стихотворной формѣ свои жалобы о бренности всего земнаго и посовѣтовать удалиться отъ суеты міра подъ гостепрѣимный кровъ тихихъ обитателей. Наконецъ, внѣшнимъ благопріятнымъ условіемъ для развитія поэзіи являлось то обстоятельство, что въ IV столѣтіи въ Галліи возникло нѣсколько хорошихъ риторическихъ школъ, поддерживавшихъ дѣятельныя занятія стихотворствомъ. И если прозаическій языкъ въ V вѣкѣ подвергся значительной порчѣ подъ влияніемъ варварскихъ элементовъ, то стихотворный и въ этомъ отношеніи одержалъ надъ нимъ верхъ уже въ силу одного того обстоятельства, что поэтическая форма обязывала его къ гораздо большей консервативности. Прежде всего, въ указанный періодъ достигла блестящаго развитія эпическая поэзія, наиболѣе виднымъ представителемъ которой является *Седулій* (современникъ императоровъ Θεодосія младшаго и Валентиніана). Въ своей поэмѣ *Carmen paschale* (Пасхальная пѣснь) Седулій имѣлъ въ виду пересказать чудесныя дѣянія Бога и Спасителя на благо христіанства. Стихотвореніе это имѣло огромный успѣхъ и оказало большое влияніе на латинскую поэзію средневѣковья. Успѣху этому способствовали разносторонность содержанія, соединенная съ живостію изложенія, и краткій, выразительный языкъ, весьма часто достигающій истинно поэтическаго подъема, а также излюбленный тогда мистическій способъ изъясненія слова Божія. Родственна по содержанію съ *Carmen paschale* поэма *африканца Драконтія* (въ концѣ V в.) „О восхваленіи Бога“. Тема стихотворенія — изложеніе благодати Божіей, поскольку она проявляется въ мірѣ, при чемъ поэтъ ведетъ рассказъ съ самаго начала мірозданія. Особенную прелесть стихотворенію придаетъ удачное сочетаніе элементовъ эпическаго и субъективно-лирическаго, что свидѣтельствуетъ о несомнѣнныхъ поэтическихъ дарованіяхъ автора. Языкъ Драконтія богатъ, разностороненъ и выразителенъ; часто встрѣчаются эпическія сравненія; если просодія и представляетъ нѣсколько промаховъ, то метрика почти безупречна. Нельзя не отмѣтить также частое примѣненіе рѣзыхъ, исполнѣ согласное съ господствовавшими тогда литературными вкусами. Стихотворный пересказъ сотворенія міра и прочихъ событій изъ

книги Бытія, кончая гибелью Содома и Гоморры, имѣется также у младшаго современника Драконтія, *Клавдія Марія Виктор* († около 425—455 г.) въ его поэмѣ *alethias libri III* Истины три книги). Тексту Библии авторъ слѣдовалъ далеко не рабаки, оставляя широкой просторъ для своей поэтической фантазіи. Особенно удались Виктору нѣкоторыя описанія природы, достигающія истинно поэтической красоты. Метрика и просодія поэмы отличаются сравнительною чистотой, благодаря тому, что авторъ слѣдовалъ лучшимъ классическимъ образцамъ. И у Виктор

риема встрѣчается весьма часто. По содержанію и характеру изложенія къ „Истинѣ“ близко примыкаетъ поэма епископа *Альцима Экдиція Авита* († 526 г.; точное заглавіе стихотворенія неизвѣстно; можетъ быть, *de spiritalis historiae gestis* — о дѣяніяхъ духовной исторіи) въ V книгахъ. Содержаніе первыхъ трехъ совпадаетъ съ „Потеряннымъ раемъ“ Мильтона, четвертая повѣствуетъ о всемірномъ потопѣ, пятая—объ исходѣ евреевъ изъ Египта и гибели Фараона и его войска въ Черномъ морѣ. Авитъ еще сильнѣе, чѣмъ Викторъ, уклонился отъ изложенія Библии и болѣе, чѣмъ кто-либо изъ христіанскихъ эпиковъ, можетъ быть названъ романтикомъ. И у него встрѣчаются блестящія картины природы, какъ, напр., яркочерное описаніе рая. Недостатками стихотворенія служатъ сильный риторическій элементъ, излишняя абстрактность изложенія и усиленное заимствованіе изъ прежнихъ образцовъ. Просодія и метрика довольно безупречны. Авитъ много писалъ и прозою, которая, согласно духу времени, отличается значительною напыщенностію. Наряду съ собственнымъ эпосомъ, въ V в. достигла значительнаго совершенства и дидактическая поэзія. Здѣсь прежде всего встрѣчаемся съ именемъ уже извѣстнаго намъ продолжателя хроники Иеронима, *Проспера аквитанскаго*. Въ общемъ его трудно признать значительнымъ поэтомъ, такъ какъ его стихотворныя произведенія отличаются сухостію содержанія, что стоитъ въ тѣсной зависимости отъ избранныхъ имъ сюжетовъ. Но за-то Просперъ выдается почти безупречною просодіей и значительною самостоятельностью въ выборѣ способа выраженія. Главнымъ произведеніемъ Проспера является его поэма противъ полупелагіанъ *De ingratis*, названная такъ потому, что эти еретики не придавали полного значе-

нія благодати (*gratia*) Божіей. Кромѣ того, Просперъ написалъ рядъ эпиграммъ, гдѣ перекладывалъ въ стихи сентенціи Августина. И здѣсь, сообразно съ характеромъ содержанія, нельзя искать присущей эпиграмматическому роду поэзіи краткости или остроумія. Въ противоположность сухому изложенію Проспера значительною теплотой и скудостью тона отличается „Увѣщаніе“ (*Commonitorium*) епископа *Оріенція* (около 450 г.). Названіе стихотворенія объясняется тѣмъ, что авторъ хочетъ отвратить („увѣщаетъ“) читателя отъ пороковъ и поставить его на стезю добродѣтели. Доказательства, приводимыя Оріенціемъ въ пользу его мнѣнія, отличаются значительною простотой и ясностію и заимствованы имъ изъ природы, или изъ обыденной жизни. Изложеніе почти свободно отъ риторическихъ прикрасъ, но зато въ стихахъ встрѣчается всякаго рода рима и аллитерація; просодическихъ ошибокъ—немного. Третьимъ виднымъ дидактическимъ стихотвореніемъ этой эпохи является анонимная поэма „О божественномъ провидѣніи“ (*Carmen de providentia divina*). Стихотвореніе отличается удачнымъ расположеніемъ матеріала, но значительно страдаетъ отъ непоэтичности и сухости сюжета и абстрактности языка. Съ эпосомъ родственны поэтическія біографія и автобіографія. Представителемъ первой является *Павличъ изъ Периге* (*Petricordia. Perigoux*), рассказавшій въ 3622 стихахъ жизнь св. Мартина Турскаго (около 470 г.). Сочиненіе это не можетъ быть признано удачнымъ: оно страдаетъ чрезмѣрною расплывчатостію изложенія и безчисленными повтореніями. Видно, что Павличъ прошелъ хорошую поэтическую школу, но стихами своихъ предшественниковъ онъ пользуется въ общемъ весьма примитивно и беззастѣнливо. Разнаго рода украшенія стиха,—въ видѣ римы, аллитераціи, игры словъ, накопленія синонимовъ и т. п.,—встрѣчаются у Павлина весьма часто. Гораздо выше житія св. Мартина стоитъ автобіографія, написанная *Павлимомъ пеллейскимъ* (459 г.). Она изложена въ видѣ благодарственной молитвы Богу и отличается задушевностію и теплотою тона, но зато крайне слаба съ точки зрѣнія просодіи и метрики. Наконецъ, послѣднюю ступень занимаютъ авторы, у которыхъ христіанскій элементъ перемѣшивается съ языческимъ; это—*Сидоній Аполлинарій* (около 430—480 г.) и *Эннокій* (474—521 г.). Содержаніе ихъ произ-

веденій важно не столько для исторіи литературы, сколько для исторической характеристики того смутнаго и тревожнаго времени, когда они жили и дѣйствовали. Кромѣ этого, оба автора, писавшіе какъ стихами, такъ и прозою, очень интересны съ точки зрѣнія ихъ языка, который является типичнымъ образчикомъ галльской латыни V вѣка. Въ синтаксисѣ ихъ замѣчается стремленіе къ рѣдкимъ и поэтическимъ оборотамъ въ родѣ употребленія собирательнаго единств. числа и такъ наз. интенсивнаго множеств. числа, т. е. подчеркивающаго составъ цѣлаго изъ нѣсколькихъ частей или имѣющаго въ виду усилить идею, выражаемую словомъ; сюда же относится замѣна родит. пад. прилагательнымъ для означенія владѣнія, употребленіе прилагательныхъ въ смыслѣ нарѣчій, разнаго рода инфинитивныя конструкціи и т. д.; кромѣ того, въ строеніи фразъ замѣчается много вульгаризмовъ, грецизмовъ и гебраизмовъ. Однако наиболѣе характерною особенностію галльскихъ писателей является ихъ стиль, который представляетъ существенныя отличія не только отъ Цицерона и Виргилія, но даже и отъ великихъ церковныхъ писателей IV в. Естественныя достоинства рѣчи приносятся въ жертву всей искусственности риторики. Слогъ Сидонія и Эннодія блещетъ до злоупотребленія метафорами, антитезами и самою разнообразною игрою словъ. Это злоупотребленіе во всякаго рода излишествахъ выраженія содѣйствуетъ тому, что литературная латынь становится манерною и до чрезвычайности запутанною, а это дѣлаетъ пониманіе ея въ высшей степени затруднительнымъ.

Вскорѣ по смерти Теодориха Великаго († 526 г.) Италия вовлечена была въ двадцатилѣтнюю войну между Византією и готами (535—554 г.г.); черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ этого прежняя владычица міра попала въ жестокое рабство къ грубому германскому племени, лангобардамъ. Все это, конечно, самымъ сильнымъ образомъ повліяло на упадокъ въ странѣ литературы и образованности. Другая наиболѣе культурная провинція прежней римской имперіи, Галлія, съ середины тридцатыхъ годовъ IV вѣка почти вся попадаетъ во власть франковъ, что также роковымъ образомъ вліяетъ на ея культуру. Въ такомъ печальномъ положеніи находилась литература вплоть до эпохи Карла Великаго (768—814 г.г.). Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ этого безотрад-

наго періода является значительное литературное движеніе въ Британніи, которое затѣмъ передалось и на континентъ. На основаніи сказаннаго, только немногіе писатели изъ разсматриваемаго періода могутъ претендовать на наше вниманіе. Изъ прозаиковъ прежде всего заслуживаетъ упоминанія папа римскій, *св. Григорій Великій* или *Двоесловъ*, знаменитый своими трудами въ области литургики и церковнаго пѣнія († 604 г.). Его считаютъ обыкновенно послѣднимъ изъ авторитетныхъ учителей Церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одинъ папа не оставилъ столько сочиненій, какъ Григорій. Литературная дѣятельность Григорія носила болѣе практической характеръ и важна главнымъ образомъ по тому вліянію, какое имѣла она въ средніе вѣка. Таковы его *Dialogi* (въ нѣкоторыхъ кодексахъ къ этому заглавію прибавлено дополнение: *De vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum*—„О жизни и чудесахъ италійскихъ отцовъ и о вѣчности душъ“). *Moralia*—толкованіе на книгу Іова, гдѣ Григорій въ краснорѣчивомъ изложеніи дѣлится съ читателемъ многими данными, вынесенными имъ изъ многолѣтней житейской опытности. Особенно-же распространена была въ средніе вѣка *Regula Pastoralis*—руководство пастырскаго богословія. Менѣе замѣчательны проповѣди Григорія, носящія слѣдъ аллегорическаго толкованія. Хотя *св. Григорій* получилъ тщательное образованіе, онъ не заботился о красотѣ своего стиля, какъ въ томъ признается въ знаменитомъ текстѣ предисловія къ „*Мораліямъ*“, говоря: „я пренебрегъ соблюденіемъ искусства слова“. Типичнымъ же авторомъ для характеристики упадка латинскаго языка является *Григорій, еп. турскій* († 594 г.), особенно знаменитый своею „*Исторіей Франковъ*“. Онъ самъ признается, что не владѣетъ вполне латинскою грамматикой (О славѣ блаж. проповѣдниковъ, предисл.). И дѣйствительно, уже произношеніе тогдашней латини не согласовалось съ орфографіею; такъ, подъ перомъ Григорія постоянно смѣшиваются *e* и *i*, *o* и *u*; нѣкоторыя согласныя ослабли въ произношеніи или исчезли вовсе; придыханіе почти совершенно утратилось; слогъ *ti* почти постоянно смѣшивается съ *ci* и т. д. Склоненіе въ общемъ сохранилось, но очень часто случается, что десять разъ слово склоняется правильно, а на одиннадцатый отступаетъ отъ правилъ. Но особенно много уклоненій отъ классиче-

скаго способа выраженія замѣтно въ синтаксисѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушеніе обычныхъ конструкцій еще не привело къ окончательному установленію новыхъ, и сплошь и рядомъ случается, что, напр., оборотъ асс. с. *inf.* стоитъ вполне параллельно съ *quod*. Однимъ словомъ, подъ перомъ Григорія турскаго не существовало ни правильной старой латыни, ни не было создано надежнаго новаго языка. Наконецъ, изъ прозаиковъ можетъ быть упомянуть *Исидоръ севильскій* († 636 г.). Это былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ компиляторовъ, которые когда-либо существовали; своими многочисленными трудами (особенно 20 книгами „Началь“ или „Этимологій“, имѣющими характеръ почти современныхъ энциклопедическихъ словарей) онъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ сохраненію лучшихъ элементовъ какъ античной, такъ и древнехристіанской культуры не только въ Испаніи, но и во всей Европѣ, и при томъ почти на всемъ протяженіи средневѣковья. Изъ поэтовъ этой эпохи можетъ быть особенно отмѣченъ *иподьяконъ Араторъ* (жилъ въ первой половинѣ VI в.), переложившій впервые въ стихи книгу Дѣяній Апостольскихъ. Образцомъ для Аратора былъ Седумій, которому онъ, впрочемъ, значительно уступаетъ какъ въ способѣ, такъ и въ манерѣ изложенія. Но Араторъ умѣлъ угодить духу своего времени мистическими и символическими толкованіями Свящ. Писанія, такъ что сочиненіе его еще въ IX-мъ вѣкѣ ставилось выше *Виргилія*. *Просодія* Аратора, какъ и вообще писателей той эпохи, очень небрежна. Гораздо болѣе даровитъ въ сравненіи съ Араторомъ гальскій поэтъ *Венанцій Фортунатъ* (родился въ 530 г., † вскорѣ послѣ 600 г.). Отличительною особенностію поэзіи *Фортуната* было то, что онъ почти никогда не писалъ на вымышленныя темы; поэтому его стихотворенія являются весьма важнымъ источникомъ для характеристики современной ему эпохи. Изъ духовныхъ стихотвореній *Фортуната* особенно знамениты гимны въ честь Животворящаго Креста Господня; два изъ нихъ (*Vexilla regis prodeunt* и *Pange, lingua, gloriosi lauream certaminis*) и доннынѣ еще употребляются въ католическомъ богослуженіи. Языкъ *Фортуната* въ общемъ очень живъ и выразителенъ и напоминаетъ иногда лучшіе образцы античной литературы, напр., *Овидія*, хотя у *Фортуната* замѣтно много галльскихъ провинціализмовъ и вульгаризмовъ. Наконецъ, на разсматриваемую эпоху падаетъ

возникновеніе и древнѣйшихъ *ритмическихъ гимновъ*, составленныхъ по образцу аналогичныхъ пѣснопѣній св. Амвросія съ тою только разницей, что долгота замѣнена удареніемъ. Эти гимны долгое время приписывались св. Григорію Великому, который дѣйствительно занимался аналогичной поэзіей, но въ дѣйствительности они не могутъ принадлежать ему, какъ это доказывается данными богословскаго содержанія и просодіей.

Остается разсказать объ упомянутомъ выше литературномъ движеніи на Британскихъ островахъ. Христіанство появилось здѣсь сперва въ Ирландіи, гдѣ ему положилъ начало въ 30-хъ годахъ V столѣтія св. Патрикъ; затѣмъ въ 593 г., по почину папы св. Григорія Великаго, ученіе Христово было проповѣдано и среди англосаксовъ. И въ той и въ другой странѣ появилось много монастырей, а потомъ и нѣкоторые даровитые писатели, преимущественно изъ лицъ духовныхъ. Къ числу таковыхъ прежде всего относятся *Альдгельмъ* († 709 г.), первый поэтъ Англіи, писавшій на латинскомъ языкѣ, и особенно *Бада Достопочтенный* (*Baeda Venerabilis*, † 735 г.), который составилъ широко распространенную въ средніе вѣка „Исторію англійскаго народа“, и много другихъ богословскихъ, научныхъ и грамматическихъ трактатовъ. Любопытно, что языкъ обоихъ изъ упомянутыхъ писателей отличается обиліемъ греческихъ словъ и частымъ примѣненіемъ аллитераціи,—фигуры, составляющей національную особенность языка англосаксовъ. Помимо просвѣтительнаго движенія внутри страны, Британія оказала значительное вліяніе и на образованіе континента, именно: изъ нея вышли миссіонеры, основавшіе знаменитые впослѣдствіи, какъ разсадники культуры, монастыри: Люксейль, Боббіо, С.-Галленъ и др. Изъ Британіи же вышелъ и такъ наз. апостоль Германіи, Бонифацій, наряду съ христіанствомъ дѣятельно распространявшій и папизмъ. Онъ также писалъ полатыни и стихами и прозой, но главное значеніе его заключается въ миссіонерской дѣятельности.

Такимъ образомъ подошли мы къ знаменитой въ исторіи культуры эпохѣ Карла Великаго, но она не можетъ войти въ рамки настоящей статьи, такъ какъ связанный съ этою эпохой расцвѣтъ образованности принадлежалъ прежде всего наукамъ свѣтскимъ, а не духовнымъ. Мало того, на эпохѣ

Карла Великаго, т. е. вообще на IX-мъ вѣкѣ, можетъ быть прекращенъ нами и систематическій обзоръ латинской литературы. Это не значитъ, конечно, что латынь перестала въ эпоху среднихъ вѣковъ жить и развиваться, ибо еще въ XIII-мъ столѣтїи составлялись учебники и словари, которые разсматривали латинскій языкъ, какъ живой. Но съ IX-го вѣка латынь все болѣе и болѣе перестаетъ быть достояніемъ народа, уступая мѣсто туземнымъ идиомамъ, и мало по малу становится языкомъ, доступнымъ только избранному обществу. Окончательно же низведена на степень мертваго языка латынь была только гуманистами, которые въ своемъ стремленїи къ стилю и языку Цицерона забыли, что способъ выраженїя, основанный исключительно на подражанїи античнымъ авторамъ, не могъ быть жизнеспособнымъ въ ихъ время, и художественный стиль ихъ явился такимъ образомъ могилой для историческаго развитїя латинской рѣчи. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и сами того не подозрѣвая, гуманисты оказали своими воззрѣніями на латинскій стиль огромную услугу безпрепятственному развитію новыхъ языковъ.

Ставъ достояніемъ немногихъ, латинскій языкъ, тѣмъ не менѣе, еще долгое время сохранялъ свое высокое значеніе, а въ нѣкоторыхъ отношенїяхъ не утратилъ его и понинѣ. Такъ, прежде всего латинскій языкъ доселѣ употребляется въ церковномъ богослуженїи огромнаго большинства католиковъ, согласно неоднократнымъ распоряженїямъ по этому поводу Западной Церкви. Именно, на 22-мъ засѣданїи Тридентскаго собора 1562 г. было постановлено слѣдующее: „Хотя месса содержитъ много поучительнаго для вѣрующаго народа, однако отцы признали не цѣлесообразнымъ служить ее въ различныхъ мѣстахъ на туземномъ языкѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякій, утверждавшій, что месса должна исполняться только на туземномъ языкѣ, предавался анаемѣ. Замѣчу ксати, что постановленїя Тридентскаго собора изложены прекрасною латынью, а составленный по порученію этого же собора римскій катихизисъ 1566 г. представляетъ съ точки зрѣнїя языка нѣчто почти классическое. Точно также въ 1713 г. папа Климентъ XI отклонилъ требованїе туземнаго языка для мессы, исходившее отъ французскихъ Янсенистовъ. Затѣмъ, когда въ концѣ XVIII столѣтїя рачіоналисты въ Италїи и Германїи пытались устранить латынь.

изъ церковныхъ службъ, папа Пій VI призналъ въ 1794 г. дерзостію и оскорбленіемъ для Церкви порицаніе и борьбу противъ удержанія латинскаго языка при божественной службѣ. Въ настоящее время католическій міръ признаетъ положеніе, высказанное нынѣшнимъ папою Піемъ X, въ ин-струкціи о церковной музыкѣ (22-го ноября 1903 г.): „Собственный языкъ римской церкви есть латинскій. Поэтому употребленіе туземныхъ языковъ при литургическихъ служеніяхъ, главнымъ образомъ при перемѣняющихся и общихъ частяхъ св. мессы и бревіарія, запрещено“. По вычисленіямъ Андрэ (Andree) и Нэера (Neher), общее число католиковъ превышаетъ теперь 300 милліоновъ, и изъ этого числа только около 10 милліоновъ, католиковъ пользуется другими языками при богослуженіи, а не латинскимъ. Понятно поэтому, что въ католической церкви латынь является, такъ сказать, интернаціональнымъ языкомъ. Со времени перваго Латеранскаго собора 1223 г. она стала официальнымъ языкомъ всѣхъ подобныхъ собраній. Полатыни сносятся папа со всѣмъ католическимъ міромъ, равно какъ епископы различныхъ націй другъ съ другомъ. Само собою понятно, что на этомъ же языкѣ составляются энциклики папъ, ихъ буллы, рѣшенія конгрегацій и духовныхъ судовъ. Слѣдуетъ замѣтить кстати, что нѣкоторые изъ папъ были превосходными латинистами; таковы, напр., Иннокентій III, Гонорій III, Григорій IX, Иннокентій IV. Великолѣно владѣлъ латинскою рѣчью предшественникъ нынѣшняго папы, Левъ XIII, который писалъ даже на этомъ языкѣ очень удачныя оригинальныя стихотворенія, избирая для нихъ иногда такія трудныя темы, какъ описаніе совершенно чуждой античному міру фотографіи. Далѣе, латинскій языкъ имѣетъ огромное значеніе, какъ языкъ науки и прежде всего, конечно, богословской. Уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, какъ мы видѣли выше, при церквахъ и особенно монастыряхъ заводились школы для приготовленія будущихъ пастырей церкви. Само собою разумѣется, что изученіе латыни, какъ языка необходимаго для пониманія мессы, занимало здѣсь первенствующее мѣсто, при чемъ, однако, читались какъ духовные, такъ и свѣтскіе писатели. Особенно же блестяще было изученіе богословія въ XII и XIII столѣтіяхъ, въ эпоху возникновенія университетовъ, одними изъ наиболѣе знаменитыхъ преподавателей которыхъ

были члены вновь образовавшихся тогда орденовъ Доминиканцевъ и Францисканцевъ. Парижскій университетъ насчитывалъ въ эту эпоху развитія схоластики и мистики до 40.000 студентовъ, а слава богослова Иоанна Дунсъ-Скотта († 1308 г) подняла число слушателей оксфордскаго университета съ 3000 до 80.000. Наибольше же знаменитымъ ученымъ богословомъ этого періода былъ *Тома Аквинатъ* († 1274 г.), который отличался отъ прочихъ схоластиковъ строгимъ единствомъ своего христіанско-философскаго міровоззрѣнія и мудрымъ эклектизмомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность огромному большинству другихъ схоластиковъ, Тома Аквинатъ писалъ „яснымъ, опредѣленнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ изящнымъ латинскимъ языкомъ“ (*Ничъ*, статья о схоластикѣ въ „Реальной Энциклопедіи для катол. Германіи“). Если вспомнить затѣмъ, что латинскій языкъ долгое время былъ органомъ научнаго преподаванія, и въ 66 университетахъ Европы читались на этомъ языкѣ лекціи, то понятно, что весьма продолжительное время на немъ писались научные труды и по всѣмъ другимъ отраслямъ знанія. Въмѣстѣ съ тѣмъ долгое время (примѣрно до начала XVIII в.) латынь была языкомъ европейской дипломатіи. Значеніе ея, какъ языка международнаго научнаго образованія, стало колебаться только съ конца XVII в. Такъ, въ Германіи впервые въ 1688 г. профессоръ галльскаго университета Христіанъ Томазій (Thomasius) объявилъ курсъ на нѣмецкомъ языкѣ и опубликовалъ впервые на этомъ же языкѣ ученый трудъ. А въ Лейпцигѣ первый курсъ философіи на нѣмецкомъ языкѣ былъ составленъ проф. Христіаномъ Вольфомъ († 1754 г.). Въ романскихъ странахъ туземные языки вошли въ обиходъ высшаго преподаванія нѣсколько ранѣе. Окончательный верхъ въ области свѣтскихъ наукъ,—исключая, конечно, филологію,—туземные языки одержали надъ латинскимъ только въ половинѣ XVIII столѣтія, хотя и тутъ побѣда далась имъ далеко не сразу. Не говоря уже о ботанической номенклатурѣ, которая и понынѣ остается всецѣло латинскою, припомнимъ писавшихъ по-латыни философовъ Спинозу († 1677 г.) и Лейбница († 1714 г.), физика Ньютона († 1727 г.) и математика Гауса († 1855 г.). Огромное вліяніе латыни на ходъ высшаго образованія засвидѣтельствовано, наконецъ, внѣшнимъ образомъ такими терминами, какъ ректоръ, профес-

сорь, доцентъ, магистръ, докторъ, студентъ, кандидатъ, аудиторія и т. п.

Въ настоящее время въ Западной Европѣ латынь процвѣтаетъ исключительно въ области наукъ филологическихъ, гдѣ каждый годъ появляется до сотни докторскихъ диссертаций, написанныхъ на этомъ языкѣ, и наукъ богословскихъ. Представители высшей духовной администраціи Запада дѣлали въ прошломъ столѣтіи неоднократно собранія постановленія о необходимости усерднаго изученія латыни на богословскихъ факультетахъ и въ католическихъ семинаріяхъ. Такъ, на собраніи епископовъ въ Вѣнѣ (1849 г.) было высказано, что латынь есть надлежащій языкъ для богословскихъ лекцій (и повнѣ еще на этомъ языкѣ имѣются нѣсколько превосходныхъ учебниковъ католическаго богословія: таковы, напр., труды Францелина, Айхнера, Пальмиери, Нольдина). Въ томъ же году на помѣстномъ соборѣ въ Парижѣ всестороннее знаніе латинскаго языка было признано непреложною цѣлю католическаго школьнаго образованія. Въ 1850 г. епископы Сициліи объявили позоромъ для клирика незнаніе того языка, на которомъ составлены богослужебныя книги, церковныя законы и акты и которымъ писали учителя Церкви. Такія же постановленія дѣлались на третьемъ Вестминстерскомъ помѣстномъ соборѣ (1859 г.) и даже на собраніи епископовъ въ Балтиморѣ (Сѣв. Америк. Соед. Штаты, въ 1886 г.). Для вѣщихъ успѣховъ воспитанниковъ въ латыни католическая школа не рѣдко заставляла ихъ разыгрывать на этомъ языкѣ театральныя пьесы. Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ организаторовъ этого дѣла былъ страссбургскій гуманистъ Штурмъ, жившій въ XVI вѣкѣ, а особенно процвѣтали подобныя представленія въ іезуитскихъ и бенедиктинскихъ гимназіяхъ вплоть до второй половины XVIII столѣтія; спорадически встрѣчаются они и повнѣ.

Наконецъ, коснемся кратко вопроса о выборѣ латинскихъ авторовъ для чтенія въ духовныхъ школахъ Запада. Попытки устранить совершенно изъ школы языческихъ авторовъ дѣлались неоднократно даже среди протестантовъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ высказывались за это Абраамъ Каловіи (1612—1686) и голландскій кальвинистъ Ветъ (Voet, † 1676 г.). Въ началѣ XVIII в., какъ видно изъ программы Фрейера (1735 г.):

an scriptores pagani in scholis tolerandi sunt? („терпимы ли въ школахъ языческіе писатели?“), нѣкоторые пѣтисты требовали совершеннаго изгнанія изъ школъ языка папства; наконецъ, даже въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія прусскіе учителя—филологи, желая поднять у своихъ питомцевъ христіанскія чувства, требовали исключительнаго чтенія учителей Церкви. Но всѣ эти отдѣльныя начинанія встрѣчали дружный отпоръ, такъ какъ, если творенія учителей Церкви и имѣють огромныя литературныя достоинства, то все-же языкъ ихъ не можетъ внушить чувства правильной латыни и точности въ практическомъ ея примѣненіи. Среди католиковъ требованія читать исключительно учителей Церкви встрѣчались еще чаще. Не касаясь старинныхъ работъ въ этомъ направленіи, наиболѣе замѣчательною изъ которыхъ является весьма рѣдкое нынѣ сочиненіе Q. Moderati Censorini de vita et morte latinae linguae paradoxa philologica (Ferrariae 1781), укажу на любопытную книгу аббата Гома (Gaume) „Le vergonneur des sociétés modernes, ou le paganisme dans l'éducation“, который ссылался въ вопросѣ объ изгнаніи классиковъ на опредѣленія Тридентскаго собора, но многочисленныя оппоненты Гома, особенно аббатъ Ландрио (Landriot), доказали съ очевидностію, что Гомъ понялъ наставленіе собора неправильно и односторонне. Дѣйствительно, на соборѣ возникло недоумѣніе по вопросу de libris suspectis ac perniciosis quid facto opus esset („что надо дѣлать съ подозрительными и вредными книгами“); рѣшеніе спора предоставлено было папѣ Пію IV, который высказался, что книги по преимуществу распутнаго и грязнаго содержанія (*libri qui res lascivas seu obscenas ex professo tractant*) должны быть воспрещены подѣ страхомъ строгаго епископскаго наказанія, а для древнихъ авторовъ сдѣлалъ нарочитое исключеніе: „но античныя сочиненія, написанныя язычниками, допускаются въ силу особаго изящества ихъ рѣчи, никоимъ, однако, образомъ они не должны читаться отроками“ (*antiqui vero ab ethnicis conscripti propter sermonis elegantiam et proprietatem permittuntur, nulla tamen ratione pueris praelegendi sunt*). Отсюда ясно, что если Піи IV запретилъ для школы классическихъ авторовъ, то только такихъ, какъ, напр., Марціала, Петронія и нѣкоторыя сатиры Ювенала. Но Гомъ въ общемъ защищалъ свои положенія съ такою страстностію и убѣдительностію, что его

сторону приняла нѣкоторые французскіе епископы, и конецъ ожесточеннымъ спорамъ положила только энциклика папы Пія IX отъ 21 марта 1853 г., гдѣ глава католической церкви совѣтовалъ духовнымъ властямъ Франціи продолжать изученіе краснорѣчія „какъ по мудрѣйшимъ твореніямъ св. отцевъ, такъ и по знаменитѣйшимъ языческимъ писателямъ, очищеннымъ отъ всякаго соблазна“. Поэтому даже въ іезуитскихъ школахъ на низшей ступени обученія читаются языческіе авторы, хотя этотъ орденъ ввелъ и доселѣ еще не вытѣсненный совершенно обычай употребленія христоматій. Само собою разумѣется, что въ высшихъ классахъ богословскихъ школъ не только въ Западной Европѣ, но и въ Америкѣ латинскіе учителя церкви изучаются весьма усердно, какъ это показываютъ многія школьныя изданія ихъ, особенно французскія и англійскія.

Что касается свѣтскихъ школъ Запада, то изученіе въ нихъ латинскаго языка имѣло въ своемъ развитіи четыре главныя стадіи. Въ періодъ средневѣковья латынь разсматривалась съ чисто практической, утилитарной точки зрѣнія. Поэтому въ школахъ старались научить прежде всего языку разговорному, и изъ авторовъ выбирались преимущественно такіе, которые могли пригодиться для практическихъ потребностей, напр., Орозія читали ради историческихъ свѣдѣній, Георгіки и Виргилія, какъ пособіе по сельскому хозяйству, и т. д. Въ эпоху Возрожденія, подъ влияніемъ находокъ лучшихъ произведеній римской литературы, на первый планъ поставлено было изученіе языка, какъ такового, поэтому идеаломъ тогдашней образованности считалось умѣнье красно говорить и писать полатаыни какъ прозою, такъ и стихами. Упомянутый уже Штурмъ, напр., цѣлю школьнаго обученія прямо ставилъ „мудрое и краснорѣчивое благочестіе“ (*sapiens atque eloquens pietas*). Равнымъ образомъ знаменитый Эразмъ отзывался про составленные имъ „Разговоры“ (*Colloquia*), что они могутъ сдѣлать учениковъ *latiniore et meliores*. Въ вѣкъ рационализма наступила реакція къ такому культу языка и древности вообще. Въ ней стремились прежде всего отыскать общечеловѣческія начала, но при этомъ большинство людей того времени думало, что современность далеко превзошла античность. Поэтому въ идеалахъ тогдашняго образованія, поскольку они выражаются, напр.,

у Руссо и Дидро, изученіе древнихъ языковъ занимало очень скромное мѣсто. Противовѣсомъ такому направленію явилась такъ наз. эпоха неогуманизма, первымъ систематикомъ котораго явился Фр. Авг. Вольфъ (1759—1824 г.). Онъ первый выставилъ три положенія, развиваемыя и доселѣ въ методикѣ преподаванія древнихъ языковъ, а именно что чтеніе античныхъ авторовъ содѣйствуетъ 1) изученію языка, 2) ознакомленію съ исторіею и психологіей человѣчества и 3) образованію изящнаго вкуса. вмѣстѣ съ тѣмъ Вольфъ впервые указалъ и на значеніе грамматики древнихъ языковъ, какъ дисциплины, способствующей развитію логическаго мышленія.

Перейдемъ теперь къ краткому изложенію судебъ латинскаго языка въ нашемъ отечествѣ, при чемъ будемъ имѣть въ виду преимущественно духовныя учебныя заведенія. Первое,—правда, весьма ненадежное,—извѣстіе о систематическомъ преподаваніи на Руси древнихъ языковъ относится къ XII вѣку; именно въ „Исторіи Россійской“ Татищева (т. III, стр. 238 сл.) рассказывается про правнука Владиміра Мономаха, князя Романа Ростиславича, что онъ былъ „велими ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей поуждалъ, устроя на то училища, и учителей, грековъ и латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ“... Затѣмъ нашествіе монголовъ и ихъ иго, конечно, надолго убило у насъ всякое распространеніе образованности и въ томъ числѣ знаніе древнихъ языковъ. О знакомствѣ съ латынью въ это тяжелое для Руси время имѣются только вполнѣ отрывочныя и одинокія указанія, такъ можно догадываться, что въ числѣ окружающихъ князя Владиміра волынскаго, Василька (XIII, в.), находились люди, могущіе бесѣдовать полатыни съ папскими легатами, потому что, по прямому свидѣтельству Платона Карпини, легаты эти не знали по-русски. Болѣе основательное знаніе латинскаго языка выплываетъ снова на Руси только въ XVI столѣтіи по мѣрѣ того, какъ наши предки стали мало по малу сближаться съ Западомъ, гдѣ, какъ было сказано выше, латынь была языкомъ церкви, образованныхъ людей и дипломатовъ. Такъ, въ 1518 г. императоръ Максимилианъ лично объяснялся полатыни съ русскимъ посломъ Владиміромъ Племянниковымъ и толмачемъ Истомай Ма-

лымъ. Затѣмъ изъ XVI-го же вѣка имѣется цѣнное признаніе князя Курбскаго: „Я не мало лѣтъ изнуриль по силѣ моей уже въ сѣдинахъ, со многими труды пріучахся языку римскому“. Наконецъ, къ этому же періоду относится и дѣятельность Максима Грека, помощниками котораго были русскіе люди Дмитрій Герасимовъ и Власій, не знавшіе греческаго языка, такъ что Максимъ переводилъ имъ „Толковую Псалтирь“ на латинскій языкъ, а они „сказывали по-русски писаремъ“. Для первой половины XVII в. сохранилось рѣзкое свидѣтельство извѣстнаго путешественника Олеарія, посѣтившаго Россію въ 1633 г., что „ни одинъ русскій,—будь онъ духовный или свѣтскій, высокаго или низкаго званія,—не понимаетъ ни одного слова ни погречески, ни по латыни“. Отзывъ этотъ можно признать одностороннимъ уже вельдствие не прекращавшихся дипломатическихъ сношеній съ Западною Европой, а ко второй половинѣ того же столѣтія онъ совершенно не примѣнимъ, такъ какъ бывшій въ это время на Руси иностранецъ Генрихъ Лудольфъ прямо свидѣтельствуеъ, что „нашелъ нѣсколькихъ русскихъ, знающихъ по-латыни и по-нѣмецки“. Лудольфъ объясняетъ и причину этого,—именно: онъ говоритъ, что въ Москвѣ въ это время существовало училище, гдѣ изучались латинскій и греческій языки. Прежде, однако, чѣмъ говорить объ этомъ училищѣ слѣдуетъ отмѣтить важное значеніе, для распространенія латинскаго языка въ Московской Руси, Кіевской Академіи. Почти съ первыхъ лѣтъ ея возникновенія латынь пропѣвала въ этомъ учебномъ заведеніи по преимуществу, являясь не только языкомъ преподаванія почти всѣхъ предметовъ (кромѣ славянской грамматики и катехизиса), но и разговорнымъ, при чемъ за малѣйшую ошибку въ латинской рѣчи виновный подвергался самому строгому взысканію. Въ 1649 году любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Ртищевъ, пригласилъ изъ Кіева въ устроенный имъ Андреевскій монастырь нѣсколько ученыхъ иноковъ, питомцевъ Академіи, для обученія русскихъ свободнымъ наукамъ. Эти пионеры просвѣщенія (Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и др.),—помимо возложеннаго на нихъ порученія перевести вновь Библию съ греческаго языка на славянскій,—усердно занимались, особенно первый, и педагогической дѣятельностью. Нѣсколько позже ихъ переѣхалъ въ Москву

также воспитанникъ Кіевской Академіи, Симеонъ Полоцкій, который занялся обученіемъ латинскому языку молодыхъ подъячихъ. Руководствомъ служила знаменитая тогда грамматика Эммануила Альвареца, называемая въ сокращеніи просто Альваромъ. Она же долгое время была и учебникомъ во всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Полоцкому поручено было также обучать полатырни и дѣтей царя Алексѣя Михайловича. Въ 1679 г. было основано въ Москвѣ Типографское училище, гдѣ изучали только греческій языкъ, а въ 1685 г. Славяно-греко-латинская Академія. Первыми насадителями учености въ ней были братья Іоанникій и Софроній Лихуды, пріѣхавшіе въ Россію по предложенію восточныхъ патріарховъ. Лихуды сразу же ввели преподаваніе на обоихъ языкахъ, но на бѣду, тотчасъ по пріѣздѣ, вмѣшались въ споръ о пресуществленіи св. Даровъ, чѣмъ возбудили противъ себя неудовольствіе патріарха іерусалимскаго, Досіея. Досіей возставалъ на Лихудовъ, между прочимъ, и за то, что, получивъ приказаніе учить одному греческому языку, они стали обучать и латинскому, и вмѣсто того, чтобы преподавать грамматику, „забавляются около физики и философіи“. Такимъ образомъ въ 1694 г. Лихуды, по настоянію Досіея, должны были оставить академію, откуда вмѣстѣ съ тѣмъ было изгнано (до 1699 г.) и преподаваніе латинскаго языка. Ихъ удалили въ Ипатьевскій монастырь. Здѣсь они оставались до 1706 г., когда, съ согласія государя, ихъ вызвалъ къ себѣ митрополитъ новгородскій Іовъ и учредилъ при ихъ содѣйствіи Училище Словено-греко-латинское. Это была первая провинціальная школа, гдѣ изучались древніе языки. Между тѣмъ съ началомъ XVIII в. въ Московской Академіи произошла крупная реформа преподаванія: вліяніе греческаго языка было смѣнено латинскимъ, и наставниками Академіи стали не греки, а Кіевскіе ученые. Виднымъ дѣятелемъ въ этой реформѣ былъ извѣстный Стефанъ Яворскій, внушившій царю, что лучшимъ образцомъ для устройства Академіи Московской можетъ быть Кіевская. Первымъ шагомъ Петра Великаго въ этомъ направленіи былъ указъ (іюля 7-го 1701 г.), повелѣвавшій „завести въ Академіи ученія латинскія“. На такое предпочтеніе латыни Петръ В. согласился тѣмъ охотнѣе, что оно стояло въ связи съ общимъ ходомъ преобразованій того времени, имѣвшихъ

цѣлю сблизить Русь съ Западною Европой, гдѣ латынь играла видную роль. „Любопытно, что языку латинскому въ то время старались придать особую политическую значительность, и называли его языкомъ „единоначальствія“, т. е. языкомъ, напоминавшимъ цвѣтущія времена римской монархiи“ (С. К. Смирновъ, Исторiя Моск. Акад., стр. 82). Соотвѣтственно съ этимъ, одинъ изъ питомцевъ Академіи, Теодоръ Поликарповъ, писалъ въ предисловіи къ изданному имъ Лексикону: „латинскій діалектъ нынѣ по кругу земному паче иныхъ въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлахъ обносится“; съ 1704 г. Академія стала именоваться только школою латинской или славяно-латинской. Такимъ образомъ съ 1704 г. преподаваніе всѣхъ наукъ и писаніе сочиненій происходили исключительно на латинскомъ языкѣ, изучать который старались по книгамъ историческимъ въ тѣхъ видахъ, что „ученицы ко ученію великое возымѣютъ добротство, когда невеселое языка ученіе толь веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено имъ будетъ“. Подобное преобладаніе латыни клало свою печать на стиль проповѣдниковъ, выходящихъ изъ стѣнъ Академіи; латинизмы въ видѣ своеобразной разстановки словъ и длинныхъ періодовъ, изобилующихъ вставными предположеніями, зачастую замѣтны въ ихъ рѣчахъ. Точно также преобладаніе латыни сказывалось и въ богословіи, гдѣ преподаваніе велось по принципамъ схоластики, при чемъ высоко цѣнился Тома Аквинатъ. Заботясь о возможно болѣе понятномъ изложеніи, схоластическіе богословы должны были изобрѣтать новыя слова; такъ, напр., въ Московскихъ учебникахъ XVIII в. встрѣчаются такіе неологизмы, какъ *ubicatio*, *entitas*, *quidditas*, *inprincipatus*, *aseitas*, *futuritio*; иногда-же словамъ, употребительнымъ у древнихъ писателей, придается такое значеніе, которое могли понять только посвященные въ таинства схоластики, напр., „*essentia Dei physica* означала полноту всѣхъ дѣйствительныхъ совершенствъ Божіихъ, а *metaphysica*—несовершенное совокупленіе свойствъ божественныхъ, представляемыхъ разумомъ“. Къ преподаванію богословскихъ наукъ на латинскомъ языкѣ въ духовныхъ школахъ привыкали до такой степени, что, когда въ 1765 г. извѣстный митрополитъ Платонъ Левшинъ составилъ одинъ изъ самыхъ первыхъ богословскихъ учебниковъ на русскомъ языкѣ,

въ тульской семинаріи его система была все-таки переведена на латинскій языкъ и въ такомъ видѣ изучалась воспитанниками.

Что касается провинціальныхъ духовныхъ школъ, то онѣ начали устраиваться преимущественно при архіерейскихъ кафедрахъ еще при Петрѣ I. Затѣмъ, послѣ смерти Петра, за дѣло духовнаго просвѣщенія особенно энергично взялось правительство императрицы Анны Іоанновны. Въ ея правленіе впервые появились духовно-учебныя заведенія съ программой и именемъ Семинарій. Учителями въ этихъ школахъ были прежде всего питомцы Кіевской Академіи, или „черкасы“, какъ ихъ иронически называли ихъ противники великороссы. Эти „черкасы“ вносили въ устройство школъ порядки своей almae matris и прежде всего усиленное преподаваніе латинскаго языка. Это преподаваніе не мѣнялось и при той конкуренціи, которую уже съ конца 1720-хъ годовъ стали оказывать кіевлянамъ студенты Московской Академіи. Поэтому вполне справедливымъ долженъ быть признанъ слѣдующій отрывъ историка нашихъ духовныхъ школъ о распространенности въ нихъ латинскаго языка къ концу XVIII вѣка: „Неудивительно, что, при такой настойчивой дрессировкѣ въ латинскомъ языкѣ, ученики доходили до изумительной свободы въ его употребленіи, о какой мы съ трудомъ можемъ теперь составить себѣ понятіе. У лучшихъ учениковъ онъ дѣлался чѣмъ-то въ родѣ природнаго, такъ что они, кажется, и мыслили по латинѣ; по крайней мѣрѣ, когда имъ случалось что-нибудь записывать порусски или, напр., послѣ въ высшихъ классахъ составлять про себя на бумагѣ планъ какого-нибудь русскаго сочиненія, они невольно пересыпали свою русскую рѣчь латинскими фразами, а нѣкоторые знатоки такъ и все сочиненіе писали первоначально на языкѣ латинскомъ, а потомъ уже переводили съ него на русскій“ (проф. П. В. Зламенскій, Дух. школы, стр. 740). Къ этому можно добавить еще одно любопытное свидѣтельство: въ романѣ Калашникова „Камчадалка“ (Спб. 1833, ч. II, стр. 97 и 99), дѣйствіе котораго относится къ царствованію Екатерины, II, выведенъ дьячекъ, поющій на латинскомъ языкѣ извѣстную (?) русскую пѣсню:

„Между дубомъ и березой рѣка протекала“

Inter quercum et betulam

Flumen promanavit

Flumen, flumen promanavit,

Aqua frigida и т. д. ¹⁾.

Вообще, латынь и духовенство до такой степени слились другъ съ другомъ, что въ комедіи Фонвизина „Выборъ гувернера“, когда князь, отецъ воспитанника, задаетъ приглашенному имъ лицу вопросъ: „Чему жъ вы сына моего учить хотѣли? Какимъ чужестраннымъ языкамъ?“, и гувернеръ отвѣчаетъ: „Начну съ латинскаго“, то князь съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „Да развѣ ему попомъ быть?“ Что эти слова Фонвизина взяты прямо изъ жизни,—свидѣтельствуютъ недавно изданныя записки С. А. Тучкова (въ посл. четверти XVIII в.: см. „Русск. Вѣстн.“ 1906, кн. 1, прилож., стр. 9), который говоритъ: „Отецъ мой не хотѣлъ такъ же, чтобъ кто изъ насъ учился латинскому языку, и говорилъ, что онъ нуженъ только для поповъ и лекарей“.

Понятно поэтому, что при пересмотрѣ семинарскихъ программъ въ 1808 г. Комитетъ по преобразованію духовныхъ училищъ не счелъ нужнымъ особо вносить въ планъ преподаванія латинскій языкъ, считая его, такъ сказать, разговорнымъ. Такое блестящее положеніе занимала латынь до 1840 г., когда она была поставлена наряду съ прочими предметами, и изученіе на латинскомъ языкѣ предметовъ семинарскаго курса было отмѣнено. По уставу 1840 г., въ низшемъ отдѣленіи на латынь было отведено въ 1-ый годъ всего 3 урока, а на второй годъ, равно какъ и въ 2 года средняго отдѣленія всего по 2 урока. Въ высшемъ-же отдѣленіи латынь, повидимому, болѣе значилась на бумагѣ, чѣмъ проходила въ дѣйствительности (ср. А. Н. Надеждинъ, Исторія Спб. дух. Семинаріи, стр. 396). Понятно поэтому, что уровень познаній въ этомъ предметѣ понизился до чрезвычайности; такъ, въ Спб. дух. Семинаріи, въ теченіи 1865—1867 г.г., было переведено изъ первой книги de officiis Цицерона 8 главъ, а изъ 2-ой—6 главъ, т. е. всего около 16 страницъ Тейбнеровскаго текста. Въ 1867 г., при

1) Эта пѣсня была въ большемъ ходу даже въ захолустныхъ духовныхъ училищахъ еще въ 70-хъ годахъ XIX в., когда живы были латинскія традиціи, такъ что, напр., на актахъ, экзаменахъ и пр. нѣкоторыя формулы обращеній къ начальникамъ и наставникамъ произносились обязательно на латинскомъ языкѣ: salutamus, gratias agimus и т. п.—

графъ Д. А. Толстомъ, число уроковъ по обоимъ древнимъ языкамъ вѣсколько увеличилось (по латинскому языку въ 4 первыхъ классахъ 15 уроковъ), но тогдашній выборъ авторовъ для чтенія отнюдь нельзя признать удачнымъ; такъ, 2 года назначено было читать „Фасты“ Овидія, а изъ твореній Горация опущено наиболѣе совершенное его произведеніе—оды. Во всякомъ случаѣ, однако, это увеличеніе числа уроковъ по древнимъ языкамъ принесло благотворные результаты въ томъ смыслѣ, что воспитанники Семинарій послѣдующаго времени стали въ изобиліи поступать на историко-филологическіе факультеты университетовъ и въ историко-филологическіе институты, а впослѣдствіи весьма многіе изъ нихъ стали выдающимися дѣятелями на почвѣ школьнаго классицизма, нѣкоторые же прославились и какъ видные ученые на томъ же поприщѣ. Но уставъ 1884 г., нанеся новый ударъ древнимъ языкамъ: снова были сокращены и ихъ программа, и количество недѣльныхъ часовъ (по латинскому яз. 14 во всѣхъ 6 классахъ), при чемъ наиболѣе геніальный изъ римскихъ поэтовъ, Гораций, опущенъ вовсе. Въ настоящее время въ V и VI классахъ семинарій имѣется всего по одному недѣльному уроку латинскаго языка. Конечно, такое количество настолько ничтожно, что болѣе педагогичнымъ представлялось бы совершенное уничтоженіе латыни въ этихъ классахъ. Если же принять во вниманіе, что отмѣтка 3 по древнимъ языкамъ не вліяетъ на достиженіе перваго разряда, то не особенно удивительнымъ станетъ признаніе, идущее изъ среды учащихся („Голосъ средн. учебн. заведеній“ 1906 г., № 2), что къ концу семинарскаго курса они почти забываютъ даже произношеніе латинскихъ буквъ. Въ духовныхъ училищахъ, по уставу 1884 г., количество учебныхъ часовъ полатыни достаточно (16), но объяснительная записка къ программѣ составлена съ поразительными промахами: рекомендовано устарѣвшее нѣмецкое руководство Spiess'a и почему-то въ оригиналъ, хотя оно задолго до 1884 г. уже имѣлось и въ русскомъ переводѣ, а изъ пособій къ Корнелію Непоту, кромѣ устарѣлаго нѣмецкаго словаря Крузіуса-Биллербека, названъ только нѣмецкій-же подстрочникъ Фрейнда, именуемый педагогами Германіи *Esels-Brücke* (ослиный мостъ).

Что касается Духовныхъ Академій, то болѣе детальныя

указанія на преподаваніе въ нихъ древнихъ языковъ даны только въ уставѣ 1810 г. и то въ самой общей формѣ, а именно: „Поелику полагается, что въ предыдущихъ училищахъ студенты пріобрѣли уже твердое познаніе языковъ Греческаго и Латинскаго, то въ Академическомъ ученіи надлежитъ только продолжать чтеніе труднѣйшихъ Авторъ на томъ и другомъ языкѣ“. И историкъ русскаго просвѣщенія не можетъ умолчать о тѣхъ заслугахъ, которыя оказали Академіи нашему обществу распространеніемъ знакомства въ немъ съ западными писателями церкви. Ученые профессора Академіи или переводили цѣликомъ творенія того или другого изъ учителей западной церкви (таковыя переводы, напр., блаж. Іеронима и блаж. Августина—издаются Кіевскою Академіей), или составляли о нихъ цѣнныя монографіи (таковы, напр., труды профф. Красина объ Августинѣ, Садова о Лактанціи, Цвѣткова о Пруденціи и мн. др.). Много популярно научныхъ статей и изслѣдованій въ этомъ направленіи напечатано также въ органахъ Академіи (Казанской—„Православный Собесѣдникъ“, Кіевской—„Труды Кіевской Дух. Академіи“, Московской—прежде „Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ“, нынѣ „Богословскій Вѣстникъ“, С.-Петербургской—„Христіанское Чтеніе“) и въ разныхъ духовныхъ журналахъ (напр., „Православное Обзорніе“, „Странникъ“, „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ и др.).

Литература. Изъ огромной массы литературы по данному вопросу составитель позволяетъ себѣ указать только тѣ сочиненія, которыя знакомы ему непосредственно, и которыя могутъ, по его мнѣнію, имѣть дѣйствительно научное значеніе. Общія труды: 1) изданія латинскихъ писателей Церкви у *Migne*, *Patrologiae cursus completus, series Latina*, Парижъ, 1-е изд. 1844—1856, 2-е 1877 г., въ 222 томахъ, обнимающихъ латинскихъ церковныхъ писателей отъ Тертуліана и кончая папою Иннокентіемъ III (1106—1216 г.); гораздо болѣе исправный текстъ церковныхъ латинскихъ писателей дается въ доселѣ еще не оконченномъ *Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum editum consilio et impensis Academiae Litterarum Caesareae Vindobonensis* (съ 1866 г.); † проф. *И. В. Помяловскій*, Избранныя мѣста изъ латинскихъ христіанск. писателей до VIII-го в. (Спб. 1878; нѣсколько разъ перепечатывалось впоследствии, но безъ измѣненій, нынѣ во многихъ отношеніяхъ устарѣло). 2) Словари: Наиболѣе полнымъ, хотя нынѣ и значительно устарѣлымъ пособіемъ является классическій трудъ *Дю-*

канжа (1610—1687) *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, первое издание котораго появилось въ Парижѣ, въ 1678 г., а послѣднее (съ дополненіями *L. Fabre*) тамъ же, въ 1883—1887 гг. Много объщаетъ выходящій съ 1900 г. *Thesaurus linguae Latinae*, издаваемый книгопродавческой фирмой Тейбнера въ Лейпцигѣ при содѣйствіи 5 академіи (до сихъ поръ закончены два первыхъ тома, А—Вузереb). 3) Сочиненія историко-литературнаго характера: *Ad. Ebert*, *Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande*. Erster Band (bis zum Zeitalter Karls des Grossen) 2-te verbess und vermehrte Auflage (Lpzg. 1889), *W. S. Teuffel*, *Geschichte der römischen Literatur*. Neu bearb. von *L. Schwabe*. 2-ter Bd., 5-te Aufl. (Lpzg. 1890), *Martin Schanz*, *Geschichte d. röm. Litteratur*. 3 ter Theil: Die Zeit von Hadrian 117 bis auf Constantin 324. 2-te Aufl. (München 1905), 4-ter Theil: Die Litteratur des vierten Jahrhunderts (Marchen 1904), *G. Gröber*, *Uebersicht über die Lat. Litteratur von der Mitte des 6. Jahrhunderts bis 1350* (въ „Grundriss d. romanischen Philologie“ herausg. von G. Gröber, Bd. II, Strassburg 1897—1902), *Eduard Norden*. *Die antike Kunstprosa vom VI Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit d. Renaissance*. 2-ter Bd. (Lpzg. 1898), *Al. Baumgartner*, S. I., *Geschichte d. Weltliteratur*, IV: Die lateinische und griechische Litteratur d. christlichen Völker. 3 и 4 verb. Aufl. (Freiburg im Breisgau 1905; написана съ узко-католической тенденціозной точки зрѣнія), *M. Manitius*. *Geschichte d. christlich-lateinischen Poesie bis zur Mitte des 8. Jahrhunderts* (Stuttgart 1891), проф. *А. И. Садовъ*, *Латинская древне-христіанская поэзія* (Христ. Чт. за 1904 г. и отд. Спб. 1904), *G. Koffmane*, *Geschichte d. Kirchenlateins*, Bd. I: Entstehung u. Entwicklung d. Kirchenlateins bis auf Augustinus-Hieronymus. Heft 1 und 2 (Breslau 1879; болѣе не выходило), *Dr. Jac. Felder*, *Die latein. Kirchensprache nach ihrer geschichtlichen Entwicklung* (Progr. Gymn. in Feldkirch, 1905, католически-тенденціозна), *Г. Буассе*, *Паденіе язычества*; пер. съ франц. подъ ред. *М. С. Корелина* (Москва 1892), *M. Roger*, *L'enseignement des lettres classiques d' Ausone à Alcuin* (Paris 1905). *Dictionnaire d' archéologie chrétienne et de liturgie* par R. P. dom *Ferdinand Cabrol* I, 1 (Paris 1907), col. 754—775, гдѣ обсуждаются слѣдующіе вопросы: церковный языкъ въ Африкѣ; Киріанъ; Августинъ; Викторъ витенскій; просодія; Коммодіанъ; Драконтій; эпиграфія метрическая; библиографія. Prof. *Friedrich Leo*, *Die römische Literatur des Altertums* (отъ 250 г. до Р. Хр. по VI в. по Р. Хр.) въ *Kultur des Gegenwart* herausg von Paul Hinneberg I, 8, 2-е изд. (Lpzg 1906); Prof. *Eduard Norden*, *Die lateinische Literatur im Uebergang von Altertum zum Mittelalter*, *ibid.*; Prof. *Franz Skutsch*, *Die lateinische Sprache*, *ibid.* Здѣсь при всѣхъ трактатахъ отмѣчена соответствующая литература, а ко всему этому (включающему еще греческую литературу и греческій языкъ) имѣется указатель. Новѣйшая литература по запутанному вопросу объ взаимныхъ отношеніяхъ Италы и Вулгаты болѣе подробно указана у *F. Vigouroux*, *Diction*

naire de la Bible t. IV, fascicule XXIII (Paris 1904, статья *L. Méchineau*, Latines (versions) de la Bible); къ нашимъ цѣлямъ наиболѣе подходили слѣдующіе труды: *H. Rönsch*, Itala und Vulgata, 2-te berichtigte und vermehrte Ausg. (Marburg 1875), *ego же*, Die ältesten latein. Bibelübersetzungen nach ihrem Werte für die latein. Sprachwissenschaft (въ сборникѣ статей *Pönnia*. Collectanea philologa, Bremen 1891). *S. Berger*, Histoire de la Vulgate pendant les premiers siècles du moyen âge (Paris 1893), *Ph. Thielmann*, Ueber die Benutzung der Vulgata zu Sprachlichen Untersuchungen (въ журн. „Philologus“ за 1884 г.), *Dr. Fr. Kaulen*, Sprachliches Handbuch zur biblischen Vulgata. 2-te verb. Auflage (Freiburg im Breisgau 1904; устарѣло: см. рец. *Юлихера* въ „Theolog. Literaturzeitung“ 1905, № 6 и *Prof. Dr. Joh. Belser* въ „Theologische Quartalschrift“ LXXXVIII, 3 (Juli. 1906): Die Vulgata und die griechische Text im Hebräerbrief. *C. Grimm*, Glossar zum Vespasian-Psalter und den Hymnen, Dissert. Heidelberg 1906. Отдѣльные церковные писатели (указаны преимущественно тѣ изслѣдованія, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія о языкѣ и стилѣ писателей). *Минуцій Феликсъ*: *E. Wölflin*, Minucius Felix. Ein Beitrag zur Kenntniss d. africanischen Lateins (статья въ журн. „Archiv f. lat. Lexikographie“. Bd. VII, 1892), *Ed. Norden*, De M. Felicis aetate et genere dicendi (Greifswald 1897).—*Тертуллианъ*: *H. Hoppe*, Syntax u. Stil des Tertullian (Lpzg 1903).—*Св. Киприанъ*: *L. Bayard*, Le latin de Saint Cyprien (Paris 1902).—*Арнобій*: *Pr. Spindler*, De Arnobii genere dicendi. Diss. (Strassburg 1901).—*Лактанцій*: проф. *А. И. Садовъ*. Древне-христіанскій церковный писатель Лактанцій (Сиб. 1895 и ср. къ сему отзывъ проф. *В. В. Болотова* въ „Журналахъ Совѣта“ Сиб. Дух. Акад. за 1895—6 уч. годы и отд. Сиб. 1900). *R. Pichon*, Lactance; étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le regne de Constantin (Paris 1901); спеціально объ языкѣ статьи *H. Glaesener*'а въ журн. „Musée Belge“ за 1900 и 1901 г.г.—*Блаж. Августинъ*: объ „Исповѣди“ *Ad. Harnack*, Reden und Aufsätze I (Giessen 1904), „О Градѣ Божиємъ“—*A. Niemann*, Augustins Geschichtsphilosophie (Greifswald 1895), о языкѣ: *Ad. Regnier*, De la latinité des sermons de Saint Augustin (Paris 1886).—*Блаж. Иеронимъ*: *C. Paucker*, De latinitate beati Hieronymi (Berlin 1881), *H. Goelzer*, Étude lexicographique et grammaticale de la latinité de Saint Jérôme (Paris 1884).—*Коммодіанъ*: *H. Schneider*, Die Casus, Tempora und Modi bei Commodian (Nürnberg 1889).—*Ювенкъ*: *M. Manitius*, Zu Iuvenens und Prudentius (въ журналѣ „Rheinisches Museum“ за 1890 г.).—*Пруденцій*: Проф. *П. И. Цвѣтковъ*, Аврелій Пруденцій Клементъ (М. 1890); о техникѣ стиха и языка *M. Manitius* (см. выше объ Ювенкѣ). *Св. Павлинь ноланскій*: *F. Lagrange*, Histoire de Saint Paulin de Nole. 2 éd., 2 v. (Paris 1882).—*Галльская культура V и VI вѣковъ*: *G. Kaufmann*, Rhetorenschulen und Klosterschulen, oder heidnische und christliche Kultur in Gallien während des 5 und 6. Jahrhunderts (въ „Historisches

Taschenbuch herausg. von Fr. v. Raumer, Lpzg. 1869).—*Аполлинарій Сидоній*: Th. Mommsen, Apollinaris Sidonius und seine Zeit (въ Rede u. Autsätze, Berlin 1905).—*Эннодій*: A. Dubois. La latinité d' Ennodius. Contribution à l'étude du Latin littéraire à la fin de l'empire Romain d' Occident (Paris 1903).—*Венанцій Фортунатъ*: W. Meyer, Der Gelegenheitsdichter Venantius Fortunatus (Berlin 1901).—*Григорій турскій*: M. Bonnet. Le Latin de Grégoire de Tours (Paris 1890).—*Литературное движеніе въ Британніи*: H. Zimmer, Ueber die Bedeutung des irischen Elements für die mittelalterliche Kultur (въ журналѣ „Preussische Jahrbücher“ за 1887 г.).—*Отношеніе гуманистовъ къ латинскому языку*: I. Vahlen, Lorenzo Valla (Wien 1864). W. Barry, The Holy Latin Tongue въ „Dublin Review“ CXXXV (1905), p. 281—304, гдѣ авторъ, опираясь на трудъ Ferotin'a, Le liber ordinum en usage dans l'église Wisigothique etc. (Paris 1904) и Liturgia Mozarabica (у Migne lat. LXXXV сл.), доказываетъ, что католическая латынь не есть декадентная форма литературы, а собственный, самостоятельно образовавшийся языкъ.—*О преподаваніи латинскаго языка на западѣ*: Ф. А. Эжштейнъ, Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Русск. пер. подъ редакціей Г. Ячевецкаго (Ревель 1889).—*Влад. В. Плотниковъ* (епископъ Борисъ), Вопросъ о классикахъ. Взглядъ на его исторію, его современное состояніе и значеніе (Казань 1884).—*А. В. Адольфъ*, Главнѣйшіе моменты въ исторіи преподаванія древнихъ языковъ (въ журналѣ „Филологическое Обозрѣніе“, т. IX, 1895).—*Латинскій языкъ въ Россіи*: акад. М. И. Сухомлиновъ, О языкованіи въ древней Россіи (въ „Ученыхъ Запискахъ второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ“, кн. I, Спб. 1854).—*М. Макарій* (Булгаковъ), Исторія Кіевской Академіи (Спб. 1843).—*О. прот. С. В. Смирновъ*, Исторія Московской славянско-греко-латинской академіи (Москва 1855).—*Проф. П. В. Знаменскій*, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года (Казань 1881).—*Г. И. Можаровъ*, О преподаваніи латинскаго языка въ Духовныхъ Семинаріяхъ и училищахъ (2 статьи въ журналѣ „Филологическія Записки“ за 1894 и 95 г.г.).—*Е. А. Бобровъ*, Обрывокъ народной пѣсни въ латинскомъ переводѣ (въ журналѣ „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ за 1905 г., кн. 2).—Много соотвѣтственнаго матеріала разсѣяно въ исторіяхъ разныхъ духовныхъ семинарій и училищъ. Наибольшею обстоятельностью среди подобныхъ книгъ отличаются двѣ: *Александръ Н. Надеждинъ*, Исторія Спб. православной Духовной Семинаріи съ обзоромъ общихъ указаній и мѣропріятіи по части семинарскаго устройства: 1809—1884 (Спб. 1885) и *Н. В. Малицкій*, Исторія Владимірской духовной Семинаріи, 3 т. (Москва 1900—1902). О преподаваніи латинскаго языка въ дух. академіяхъ см. въ трудахъ по исторіи этихъ учебныхъ заведеній (о. С. К. Смирнова—Московской, И. А. Чистовича—Санктпетербургской, В. И. Аскоченскаго, проф. С. Т. Голубева, о. проф. Ф. И. Титова, В. Серебрянникова—Кіевской и П. В. Знаменскаго—Казанской).

А. Маленинъ.